

[АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ]

ВСЕПЕННАЯ

ЗАВТРА ВОЙНА

ПРОЕКТ
АЛЕКСАНДРА
ЗОРИЧА

ЗАВТРА
ВОЙНА

Завтра война

Александр Зорич

Завтра война

«Автор»

2003

Зорич А.

Завтра война / А. Зорич — «Автор», 2003 — (Завтра война)

Россия 27 века – могучая сверхдержава, мощь которой простирается далеко за пределы Солнечной системы. На страже покоя своей страны стоят Военно-Космические Силы, вооруженные по последнему слову науки и техники. Кадеты Северной Военно-Космической Академии, среди которых и главный герой эпопеи – Александр Пушкин, беспечно сдают экзамены и зачеты, свято уверенные в мирном завтра. Однако вероломное нападение Конкордии, бывшего союзника Объединенных Наций, перечеркивает все планы и надежды. И вчерашние кадеты отправляются в космический бой – теперь уже настоящий, не учебный...

© Зорич А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Зорич

Завтра война

Глава 1

Три шага вперед

Май, 2621 г.

Северная Военно-Космическая Академия, Новая Земля

Российская Директория

– Академия... ра-авняйсь!

Тысяча триста кадетов, выстроенных по факультетам и учебным курсам, в едином порыве рванули головы вправо.

– Сми-ирна!

Головы повернулись на пятьдесят градусов влево. Теперь кадеты смотрели прямо перед собой.

– Подъем флагов начать!

Из динамиков хлынула расплавленная медь духовой секции Большого Национального оркестра, полилась гремучая ртуть Сводного Хора Армии и Флота.

Гимн был один, флагов – три.

По центральной мачте карабкался флаг России. Справа и слева от него, с небольшим, почтительным отставанием, подымались флаги Военно-Космических Сил и Объединенных Наций.

Российский орел, всемирный голубь и межзвездный грифон достигли своих насестов одновременно.

«...К звездам грядущего нас приведет!» – обнадежил Сводный Хор. Музыка оборвалась.

– Кураторам групп к приему рапортов приготовиться!

Старшины групп отчитались кураторам о больных, командированных и самовольно отсутствующих. Разумеется, в последней категории содержался традиционный ноль. Самоволка – и не просто самоволка, а прокидон утреннего построения! – была серьезнейшим ЧП.

На моей памяти – а я в Академии без малого три года – такое ЧП случалось лишь однажды. После быстрого разбирательства проштрафившийся был отчислен.

Чтобы «выбарабанить» его прочь, к нам на Новую Землю специально привезли две сотни кадетов с выпускного курса Киевской Военно-Музыкальной Академии. Бедолагу с кулечком пожитков, в форме с сорванными кадетскими «орликами» прогнали через строй под барабанную дробь. Погрузили на вертолет и вышвырнули в Мурманске.

Иди куда хочешь! Но в армию тебе дорога заказана. До самой смерти.

«Вдумайтесь, товарищи кадеты! До. Самой. Смерти».

– Старшим кураторам к приему рапортов приготовиться!

Теперь уже кураторы групп – офицеры в звании капитан-лейтенантов – сдавали рапорты командирам факультетов.

Всей волынки рапортов снизу доверху – примерно пятнадцать минут. Не так-то много. Но выстоять по стойке «смирно» все это время, выстоять по уставу, не шелохнувшись и не проронив ни звука, могут только гвардейцы, чоруги и статуи на Аллее Героев.

Строй украдкой переступал с ноги на ногу. По задним рядам даже перекатывались короткие разговорчики. А разговорчики в строю – целое искусство, это уметь надо.

– Ты вчера «Фрегат „Меркурий“» досмотрел? – спросил я у своего соседа слева, Володи Переверзева. Спросил, почти не шевеля губами. Не вполне шепот, скорее без двух минут чревоушение.

– Да.

- Чем кончилось?
- Они выбросили с корабля генератор щита и взлетели. Потом разогнали целую эскадрилью «гончих» и удрали.
- Удрали от истребителей? На фрегате? Без щита?
- Ага.
- Руки оторвать сценаристу.
- Во-во.

Итак, жалеть о том, что я не досмотрел эту галиматью до конца, не приходилось.

Вчера меня, прямо из кинозала, выдернул вестовой. И приволок ни много ни мало к командиру нашего родного истребительного факультета капитану первого ранга Федюнину.

В кабинете Федюнина, кроме хозяина, сидели два незнакомых мне флотских офицера. У одного были три серебряных звезды каперанга, у второго – золотая звездища эскадр-капитана.

Знак «Двадцать боевых вылетов» на груди первого офицера орал во всю золотистую глотку: «Перед тобой матерый волк палубной авиации, салага!»

Это ж когда он успел двадцать боевых сделать, а? В нашем мирном космосе-то? Во времена всеобщего созидательного сотворчества?

У эскадр-капитана значка с «огневой двадцаткой» не было. Зато на кокарде фуражки, которую он держал на коленях, красовался штурвал с крылышками. Что означало принадлежность эскадр-капитана к авианосным силам флота. Но только не к пилотам, а к командному составу авианосца. Ударного или эскортного – о том судить точно я не мог.

Однако, пораскинув мозгами, пришел к выводу, что ударного.

Почему? Резонно было предположить, что оба служат на одном авианосце. Эскадр-капитан – скорее всего один из заместителей командира корабля, а может, и сам командир. А пилот в высоком чине капитана первого ранга – из командного состава отдельного авиакрыла, базирующегося на борту.

Но каким же по численности должно быть авиакрыло, чтобы в его командный состав входил каперанг? Никак не меньше шестидесяти единиц. Столько на эскортный авианосец не поместится. Значит – ударный.

Эскадр-капитану было с виду под полтинник. По обычаям ударного флота он носил пушистые бакенбарды и длинные волосы, собранные на затылке пучком. Через грудь тянулась перевязь парадного меча. Натуральная кожа, между прочим.

Каперанг с «огненной двадцаткой» выглядел значительно моложе. В отличие от эскадр-капитана, он был гладко выбрит и стрижен вполне уныло: коротким ежиком. Но парадный меч у него, разумеется, тоже имелся. Такой же точно, как и у сослуживца.

Офицеры в ответ на мое приветствие небрежно кивнули. Федюнин – воплощенные дух и буква устава – отдал мне честь, как положено.

Командир факультета задал три вопроса: «Как настроение? Как самочувствие? Что вы думаете по поводу малоразмерных целей, сохраняющих произвольную маневренность в конусе шестьдесят градусов по оси движения при скоростях 100–115 М?»

Мои ответы лучились оптимизмом.

Настроение – боевое.

(На самом деле, кислое: я снова не успел толком выучить заданные параграфы по спецкурсу «Статуты орденов». А спать хотелось уже так сильно, что не оставалось никакой надежды зазубрить первоначальный статут полководческого Ордена Победы семивековой давности и все его последующие редакции вплоть до свежайшей, прошлогодней.)

Самочувствие – отличное.

(Спать! Спать хочу! Какое еще может быть «самочувствие»?!)

Относительно целей с заданными параметрами... Целей... Я думаю... (Да ничего в голову не лезет, если честно. Дьяволята, а не цели! Разве такие бывают?)

Я подобрался и решил косить под психа:

– Я думаю, товарищ капитан первого ранга, что готов выполнить любое задание – как учебное, так и боевое! Если поступает приказ работать по таким целям – значит, надо работать!

– А если я скажу, что цель может менять вектор движения на противоположный в течение восьми секунд? Не теряя скорости?

– Товарищ капитан первого ранга! Если вы проверяете мои знания, я вам отвечу: военной науке такие цели неизвестны. Наши флуггеры таких показателей не имеют. Нет таких аппаратов ни в истребительных, ни тем более в ударных авиакрыльях. Конкордия тоже подобными машинами не располагает. Чоруги – и подавно. Но если вы проверяете мой боевой дух...

– Отставить. Боевые летательные аппараты с такими параметрами существуют. Что скажешь?

– Они созданы Объединенными Нациями?

– Нет.

– Это плохо.

– Совершенно верно. Вот тебе полная вводная. Ознакомься.

Федюнин протянул мне планшет. Я быстро пробежал глазами содержимое первого скrolла. М-да...

– Ступай в соседнюю комнату, пораскинь мозгами. Через пятнадцать минут представишь нам свои тактические соображения. Как, по-твоему, можно уничтожить прикрытие из таких истребителей и вывести на объекты ударные группы?

Через четырнадцать минут и пятьдесят две секунды я вернулся в кабинет и возвратил комфакультета исписанный планшет. Подозреваю, с точки зрения военспецов я сочинил ворох ужасных и притом непатриотичных глупостей.

Федюнин, пробежав глазами первые строчки, недобро улыбнулся.

– Можешь идти.

Что я и сделал. «Фрегат „Меркурий“ остался недосмотренным. Настроение – окончательно испорченным.

Наконец рапорты были сданы. Все подтянулись в ожидании привычного «Вольно! Разойдись по аудиториям!».

Но вместо этого...

– Вольно! Первый и второй курсы – по аудиториям... Бегом! Третий и четвертый курсы разведывательного, ударного и общетехнического факультетов – по аудиториям... Бегом!

Что еще за штучки? «Бего-о-ом»...

– Остальные – смирно!

«Остальными», таким образом, оказались истребители старших курсов. Нашего, третьего, и четвертого, выпускного.

Плац вокруг нас стремительно опустел.

– Равнение на начальника Академии!

Из неприметной дверки в правом крыле появился редкий гость утренних построений, начальник Академии контр-адмирал Туровский. И не он один: его сопровождали Федюнин и два вчерашних флотских капитана.

Когда они оказались в аккурат напротив нашего правофлангового, то есть посередине между двумя курсами – третьим и четвертым, – командующий утренним построением отдал наконец команду «Вольно».

Ясные очи контр-адмирала воинственно пылали. Флотские капитаны выглядели злыми и помятыми. С недосыпу, что ли? А может, и с перепоею.

И только лицо Федюнина не выражало ничего определенного. Как обычно.
Раз уж на плацу контр-адмирал, ему и говорить первым.

– Здравствуйте, товарищи кадеты!

– Здравия желаем, товарищ контр-адмирал!

– Командование Военно-Космических Сил предоставляет вам редкую возможность отличиться. Требуется добровольцы для участия в боевых действиях. Задание опасное и ответственное. Конфликт засекречен, информация о нем не распространяется по открытым каналам. Однако вылеты, совершенные в зоне конфликта, будут засчитаны как боевые, учтены в ваших аттестационных документах и впоследствии внесены в ваш офицерский послужной список. Три вылета в зоне конфликта для третьего курса засчитываются как сдача экзамена по летной подготовке. Два боестолкновения с противником – как экзамен по огневой подготовке. Для четвертого курса за выпускной экзамен по летной подготовке будут засчитаны четыре вылета. Выпускной экзамен по огневой – три боестолкновения. Итак, добровольцы – три шага вперед!

Нужно ли говорить, что в результате оба наших потока в полном составе приблизились к контр-адмиралу на три шага?

На старших курсах случайных людей не оставалось. Все мы хотели только одного: поскорее вырваться из ледяных пустошей Новой Земли в ледяные пустоши Дальнего Внземелья.

А бои с реальным противником? Разве не страшно?

Не страшно. О такой чести еще вчера мы могли только мечтать! А с кем придется воевать – не имеет значения.

И хотя в этом «не имеет значения» я был почти честен перед собой, недобрые подозрения меня посетили сразу же. Неспроста задавал вчера Федюнин свои вопросы о противодействии фантастическим истребителям. Очень даже неспроста!

– Я вас предупреждал, Владислав Аркадьевич, – сказал Туровский эскадр-капитану. – В нашу Академию никого силком не тащат. Каждый, кто выдержал экзамены и надел форму кадета, готов идти в огонь и в воду. В плазму и кипящую сталь, если угодно!

После столь патетической ноты нельзя было не выдержать значительной паузы. Что Туровский и сделал. А затем закончил, уже будничным тоном:

– Оставляю своих орлов на ваше попечение. Выбирайте сами.

Контр-адмирал небрежно козырнул и удалился.

Эскадр-капитан и Федюнин принялись шептаться – о чем-то своем, о командирском. Пока они совещались, пилот с «огневой двадцаткой» на груди подошел к нам и прошелся взад-вперед, пристально вглядываясь в наши лица.

– Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться! – удивительно, я оказался первым и единственным, кому хватило наглости завязать разговор.

– Разрешаю.

– С кем воюем?

– Это узнают только те, кто будет отобран для операции.

– Еще вопрос разрешите?

– Имеете право.

– Потери ожидаются... большие?

Не хотелось, очень не хотелось мне краснеть в ту минуту! И все-таки я зарделся. Вопрос был, как бы это сказать... неправильный.

– Война не прогулка, – сухо сказал пилот, помолчав.

Понимайте, товарищи кадеты, как хотите – вот что значил его ответ. Можно понимать так, что победа ожидается легкая, а он не хочет нас расхолаживать. Можно и по-другому...

В этот момент Федюнин с эскадр-капитаном, похоже, о чем-то договорились.

Наш командир зачитал одиннадцать фамилий.

– Остальным – разойтись по аудиториям!

Видя, что все, чьи фамилии названы не были, как-то неловко мнутя с ноги на ногу и даже пытаются заискивающе улыбаться, Федюнин рассвирепел:

– Па-автаряю! По аудиториям! Бегом!

Я не шелохнулся. Одиннадцатой была названа фамилия Пушкин.

Моя фамилия.

Эскадр-капитан представился Тоцким, руководителем полетов ударного авианосца «Три Святителя». Каперанг с «огневой двадцаткой» – Шубиным, командиром 19-го отдельного авиакрыла, базирующегося на «Трех Святителях». Не ошибся я в кабинете у Федюнина! Оба были сослуживцами, оба занимали именно те должности, которые я вычислил.

Времени на сборы нам дали... Семь минут. Строго-настрога запретили проносить с собой еду или спиртное, а вес личных вещей ограничили тремя килограммами.

Покормить и снабдить всем необходимым пообещали уже на борту авианосца.

Слома голову мы бросились по своим комнатам.

Что взять? Что? И стоит ли брать хоть что-нибудь?

Древний солдатский принцип «запас карман не тянет» возобладал над ленью, и я все-таки прихватил с собой кое-что: свою счастливую зажигалку, новые джинсы цвета электрик и пару гражданских рубашек.

Не успели мы отдышаться после сборов и бегов по Академии туда-обратно, а служебный монорельс уже домчал нас до космодрома Колчак. Там наш пассажирский модуль был выхвачен загибающими лапами мехпогрузчика прямо из вагона и задвинут в тяжелый флуггер типа «Андромеда», в одну из восьми стандартных грузовых ячеек.

В остальных ячейках, как стало ясно уже на авианосце, покоились модули с запакованными истребителями.

Модульная система работает четко и эффектно, как моя счастливая зажигалка. Двадцать минут назад мы еще стояли на плацу, а сейчас наша «Андромеда» уже вырливалась на стартовый стол.

На наши плечи с медвежьей нежностью опустились лапы автоматических фиксаторов.

– Легкого старта! – пожелал Тоцкий.

– Легкого старта, товарищ эскадр-капитан!

Ради горстки кадетов и нескольких новых флуггеров авианосец, конечно же, приземляться на космодром не стал. Он ожидал нас на геосинхронной орбите, куда «Андромеда» и прибыла через полчаса после взлета.

Так мы впервые в жизни очутились на настоящем боевом авианосце. «Дзуйхо» – приписанное к нашей Академии учебное корыто японского производства и иначе как «Муха» кадетами не именуемое – боевым авианосцем, увы, называться мог лишь в целях стратегической дезинформации противника.

Сутки кадета расписаны по часам и минутам. Оpozдал на девяносто секунд в столовую – ходи весь день голодным. Оpozдал в аудиторию – сутки карцера. В военное время, кстати, отсутствие на занятии приравнивается к дезертирству. Со всеми вытекающими.

Впервые за три года – не считая редких поощрительных увольнений и коротких летних вакаций – расписание было скомкано и выброшено на мусорку. Из-за этого среди самых-самых дисциплинированных началась своеобразная ломка. В самом деле: по расписанию у нас сейчас были «Статуты орденов», а у ребят с четвертого курса – «Боевое применение ракет».

Они готовились, они зубрили. Может, во сне бриллианты на Ордене Победы пересчитывали и перевзвешивали, «Овода» применяли по активно маневрирующей цели на больших дальностях, а «Мурену» – по линкору, в упор.

И вот, вместо того, чтобы получить заслуженные десять баллов, зубрилы оказались в каком-то сумрачном помещении, где контейнеры с этими самыми «Оводами» и «Муренами» лежат штабелями безо всякого видимого интереса к ним со стороны экипажа. А с Орденами Победы и того хуже. Ни одного Ордена Победы на офицерах не замечено.

Мимо нас по направлению к площадке с «Андромедами» провезли несколько контейнеров, в каких обычно транспортируются разобранные на части истребители. Груз на этот раз был нестандартный. Кое-какие детали в контейнер не вписались и торчали из-под неплотно прикрытых верхних створок.

Чтобы створки не болтались, контейнер обмотали в несколько витков длинным обрезком кабеля. Проявили, так сказать, смекалку и находчивость в боевой обстановке.

Собственно, в контейнере, как и положено, находился разобранный на части истребитель.

Только был он демонтирован не на стенде, а в бою. Не техниками, а внутренним взрывом.

При этом смятая носовая плоскость и кусок главного радара, можно сказать, еще неплохо сохранились. Видимо, флуггер развалился уже на полетной палубе, иначе как бы удалось собрать обломки? Интересно, а пилот...

Быстров, сосед по комнате моего приятеля Володи Переверзева, оставшегося на Новой Земле, попятился и прислонился спиной к «Оводам». Несколько раз зевнул. Потянулся, похрустел костями. Присел на корточки. Поднялся. Снова зевнул.

Быстров нервничал. Хорошо, когда начальство тебе доверяет. Но плохо становится, когда замечаешь, как из-за абстрактной скульптуры «Доверие начальства» тебе делает ручкой Костлявая.

А Колпин, кадет с выпускного курса, старательно не замечая содержимого контейнера, разочарованно протянул:

– Тю, «авианосец»... В альбоме он покраше будет.

– Так и девушка, если снаружи смотреть, покраше будет, – философически заметил Вахтанг Арташвили, его одноклассник. – А мужик все внутрь лезет.

– Вахтанг, тебе когда-нибудь за непочтительное отношение к женщине – женщине-подруге, женщине-матери – набьют рожу. И очень даже может статься, что набью ее я.

Мне даже не потребовалось оборачиваться, чтобы узнать зануду космических масштабов, старшину четвертого курса Андрея Белокопья.

– Почему непочтительное?! Почему обижаешь?! – завелся Вахтанг. – Что я такого сказал?

– Остынь, к нам офицеры идут. А ты, Колпин, имей в виду, что это не «тю, авианосец», а ударный авианосец «Три Святителя», один из лучших кораблей нашего флота.

Белокопья, конечно, не упустил случая выслужиться. Последнюю тираду он произнес, торжественно возвысив голос. Чтобы каперанг Шубин услышал.

Пододошедший к нам каперанг улыбнулся одними глазами и в высшей степени серьезно спросил:

– А почему вы, кадет, считаете, что «Три Святителя» – *один из лучших*? Где вы лучше видели?

Белокопья не на шутку струхнул.

– Виноват, товарищ капитан первого ранга! Лучший, конечно же лучший!

– Как, кстати, ваша фамилия?

– Белокопья!

– Кадет Белокопья, почему вы во всем идете на поводу у начальства? Разве не знаете, что «Три Святителя» служит десять лет и уже успел морально устареть? Так в аттестацию и запишем: «Кадет Белокопья безынициативен, не разбирается в основных типах современных кораблей...» Да расслабьтесь вы, я шучу.

– Кадет Власик, что вы знаете о джипсах?

Голова двухметрового Власика, надёжи и опоры нашего факультета в баскетбольных битвах, подлетела к самому потолку комнаты оперативных совещаний. Он вскочил столь стремительно, что сила тяжести в ноль пять «g», создаваемая силовым эмулятором авианосца, не справилась с его служебным рвением.

Ступни Власика легко оторвались от пола, он взмыл ввысь и стукнулся макушкой о пластиковую обшивку потолка.

Баскетболист и драчун Власик еще не успел опуститься на пол, но уже бодро тараторил:

– Товарищ капитан первого ранга, джипсы – это внеземная раса...

– Можно сидя. И без уставных длиннот. Отвечайте по существу.

– Слушаюсь. Джипсы – внеземная раса. Разумная. Попытки вступить с ними в контакт успеха не имели. Метрополия не установлена... Внешний вид неизвестен...

Власик на глазах скисал. Оно и неудивительно: о джипсах нам рассказывали в самых общих чертах. Пара слов в курсе астрографии, ползанятия – на факультативной «Технологии внеземных рас».

– Еще.

– М-мм... Приоритет в списке потенциальных противников – низкий... Кажется.

– Достаточно. Кому есть что добавить?

– Разрешите мне, товарищ... – вызвался, конечно же, Коля.

Коля, он же кадет Николай Самохвальский – мой друг. «Задумчивый», как говорили в старину.

– Да.

– Первый визуальный контакт с джипсами состоялся восемьдесят шесть лет назад. Конкордианский линкор «Кир Великий» обнаружил в системе Дромедера подозрительный космический объект. Компактная группа астероидов диаметром от сорока до полутора километров двигалась, в нарушение законов небесной механики, точно по орбите второй планеты навстречу ей. Вместо ожидаемого импакта экипаж линкора наблюдал загадочные эволюции астероидов, в результате которых они плавно перешли с траектории, совпадающей с орбитой планеты, на орбиту *вокруг* нее, став, таким образом, ее спутниками. На первый взгляд – естественными, но, учитывая обстоятельства, фактически искусственными. Линкор связался с базой, приблизился к крупнейшему астероиду роя на расстояние синхронного выстрела и приступил к наблюдениям. Чтобы уточнить обстановку внутри роя, линкор выпустил отдельное звено палубной авиации: два разведывательных и два боевых флутгера. Флутгеры проникли внутрь роя и быстро обнаружили на поверхности астероидов следы разумной деятельности. Один из флутгеров пытался совершить посадку рядом с непрозрачным красным конусом, обнаруженным на крупнейшем астероиде. Но с поверхности астероида внезапно поднялась и устремилась навстречу истребителю плотная туча пыли и мелких камней. Учитывая скорость взаимного сближения, это было равнозначно обстрелу неподвижного флутгера твердотельными зенитными снарядами. К счастью, туча резко потеряла скорость – снова же, вопреки законам небесной механики. Только благодаря этому флутгер избежал бомбардировки каменным градом. Так уже при первой встрече проявилась основная интенция джипсов: не совершая прямых агрессивных действий, всеми средствами избегать прямого контакта. На следующий день капитан «Кира Великого»...

– Довольно, кадет. Все вы правильно рассказываете, но так мы с вами до самой Флоры будем в истории копать. Обобщения можете сделать?

– Так точно. Всего за эти годы имели место девять рассекреченных визуальных контактов с джипсами. Собственно, засекретить их было невозможно, поскольку свидетелями появления астероидных роев или, как их впоследствии назвали, «караванов» становились экипажи десятков, а иногда и сотен кораблей. Не только военных, но и гражданских, на борту которых находились репортеры, ученые, богатые туристы. Четырежды астероидные рои джипсов – судя

по всему, всякий раз разные – выходили на орбиты вокруг колонизированных земной расой планет. Летательные аппараты джипсов – их было выделено несколько типов, среди которых наиболее часто встречались так называемые «тюльпаны» и «лемехи», – совершали продолжительные полеты над нашими городами, заводами и военными объектами. Садились на планеты, брали пробы воды, грунта, воздуха. Несколько раз производили лучевое бурение, оставляя после себя очень глубокие скважины с крохотным входным отверстием. На многократные попытки связаться с ними в различных диапазонах не реагировали. Объединенные Нации и Конкордия регулярно высылали навстречу джипсам мощные эскадры. Звенья и даже эскадрильи истребителей отряжались на сопровождение «тюльпанов» и «лемехов». В некоторых случаях велся заградительный огонь. Джипсы реагировали корректно. Попыток прорваться через зоны заградительного огня не предпринимали, к нашим флуггерам относились спокойно. Кроме, как я уже сказал, тех случаев, когда флуггеры пытались вплотную подойти к караванам джипсов. Взаимный вооруженный нейтралитет – так можно коротко охарактеризовать отношения между нами и джипсами.

– Отлично, Самохвальский. Если в бою у вас голова работает так же хорошо, как за партой, мне остается только позавидовать ведущему вашего звена.

– Служу России!

– И последний вопрос, товарищи. Откуда берутся и куда исчезают астероидные караваны джипсов?

– Разрешите? – поднял руку Власик. Ему было, конечно, обидно, что любимчик всех преподов Самохвальский снова щегольнул своей безразмерной памятью, а он, Власик, вроде как первый раз в жизни о джипсах слышит.

Капитан кивнул.

– Караваны совершают межзвездные переходы скорее всего по Х-матрице, как и наши корабли. Во всяком случае, дематериализация и рематериализация караванов наблюдалась неоднократно.

– Верно. А теперь, товарищи курсанты, даю ориентировку. Та самая планета, возле которой линкор «Кир Великий» впервые обнаружил караван джипсов, тридцать лет назад была колонизирована Конкордией и названа Наотар. Первого мая сего года караван джипсов объявился в окрестностях Наотара. Караван, как обычно, вышел на средневысотную орбиту над планетой. Кроме уже известных типов летательных аппаратов, у джипсов оказались новые. А именно так называемые «домна» и «гребешок». Домна – крупный объект цилиндрической формы длиной восемьсот метров, диаметром сто семьдесят. Представляет собой нечто среднее между десантным кораблем и, вероятно, мобильным перерабатывающим заводом. Гребешки – боевые аппараты. Их можно условно причислить к флуггерам, хотя по конструкции и примененным технологиям они значительно отличаются от всего, чем располагаем мы. Для определенности, чтобы легче схватывалась суть, буду их называть по назначению: десантными кораблями и истребителями.

– Разрешите вопрос?

– Все вопросы потом. Итак, десантные корабли джипсов опустились на поверхность Наотара под прикрытием истребителей. Высадка была произведена на морском побережье, в районе экватора. Там находится аграрная зона конкордианских колонистов. Плотность населения невысокая, по преимуществу – отдельно стоящие фермы, которые являются центрами управления автоматической сельхозтехники. В районе высадки был только один городишко – Рита. Десантные корабли самозакопались в грунт примерно на треть своей высоты. Они высадили множество наземных агрегатов, которые – снова же, условно – можно назвать комбайнами. Конечно же, и частная охрана аграрной зоны, и вызванные с ближайшей военной базы истребители вели съемку. Внимание на экран.

Фальшпанель на дальней стене отъехала вверх. За ней открылся обычный двумерный телеэкран. Оно и понятно: съемки-то на Наотаре велись безо всяких лазерных примочек. Подавляющее большинство кадров в таких военно-полевых условиях делается простым и надежным пассивным оптическим оборудованием, без активного построения объемных лазерных голограмм.

– Ситуация на второе мая, – анонсировал Шубин.

На экране появилась картинка.

Поля каких-то фиолетовых помидоров. По ним перекатываются помидоры побольше. И не фиолетовые, а ядовито-зеленые.

Камера поднимается и меняет фокус. Похоже, оператор лежал посреди поля, прятался. А потом, пренебрегая опасностью быть замеченным, поднялся в полный рост.

Теперь взаимный масштаб объектов проясняется. Видно, что ядовито-зеленые «помидоры» – это шаровые колеса инопланетных машин. Размеры у них порядочные: с трехэтажный дом. Трудно понять, как шары-колеса соединены вместе и находится ли что-то между ними. Кабина, скажем, или боевая башня.

– Это комбайны джипсов. Вот что они делают с планетой.

Съемка с воздуха. Скорее всего – с борта вертолета.

За связкой из шести шаров, расположенных по три в два ряда, тянется глубокая канава. На глаз невозможно оценить, что видишь перед собой: дно канавы или заглушенный густой черной тенью земляной откос.

Общий план. Комбайны – повсюду. Поле не просто изуродовано канавами. С него срезаны все растения, но вместе с растениями – и плодородный слой почвы, и суглинок, и... что там на Наотаре под суглинком? Надо разбираться в почвоведении. Видно, короче говоря, что все органические и даже частично неорганические слои почвы уничтожены.

– Ситуация на третье мая, – продолжает Шубин. – Город Рита.

Возмущенные фермеры на площади размахивают карабинами. Почти все – на одно лицо. Клоны. Чего от Конкордии еще ожидать?

Звуковой фон – какой-то дребезжащий гул, довольно громкий.

Мордоворот в военной форме – кажется, полевая жандармерия – успокаивает толпу. Его не слушают, наседают. Жандарм стреляет в воздух.

В этот момент что-то происходит с человеком, ведущим съемку. Он роняет камеру. При падении камера разворачивается объективом в другую сторону и дает картину поперечной улицы. Там клубится густая черная пыль. Разглядеть ничего нельзя, но при виде этой зловещей пыли на душе сразу же становится беспокойно.

Гул усиливается.

Оператор тем временем подхватывает камеру и куда-то бежит. Спрятавшись в кустах – таких же фиолетовых, как и не узнаваемые мной сельхозкультуры на полях, – он продолжает съемку.

Фермеры ведут огонь с колена. Куда – не понятно, в этом мешает разобраться громоздящийся в левом углу кадра дом.

На стене дома плакат, перечеркнутый двумя лозунгами на конкордианском языке. На плакате – страшное чудовище, с которым лихо расправляются бодрые молодцы, вооруженные огнеметами. Надписи наверняка значат нечто вроде «Наша армия нас бережет. Крепи оборону страны!»

– Рита спустя два часа.

Съемка с флуггера. Разнообразные метки в углах кадра и великолепная, «промытая» картинка указывают на то, что съемки ведутся специализированным разведчиком. Может, он идет на высоте десять, а может, и все сорок километров над Ритой. Так не понять – даже обычная пассивная оптика, разработанная для военных целей, способна творить чудеса.

Но понимать и не хочется. Потому что на наши молодые, оптимистичные мозги обрушивается тако-ое...

Рита полностью сметена. О том, что на ее месте когда-то находился город, можно судить только по нескольким приметным кускам кровли, выглядывающим из-под напластований ярко-оранжевой субстанции.

Субстанция шевелится. О господи! Неужели это пресловутая протоплазма, биомасса, живое тесто – может быть, даже мыслящее! – из которого, по одной гипотезе, состоят джипсы? Из которого они лепят сами себя и которым теперь решили наводнить весь Наотар?

Но нет. Над поверхностью субстанции показываются зеленые колеса-шары инопланетного комбайна, и я понимаю, что, к счастью, все прозаичнее. Риту, как и поля, джипсы просто срезали до глубинных пластов глины, которую развезло под только что прошедшим дождем. И в ней, в этой глине, как гиппопотама в грязевой ванне, ворочаются комбайны. Фактически мы созерцаем огромный котлован, оставшийся на месте города.

М-да... Никакой биомассы. «Все прозаичнее, – оторопело повторяю я. Мой мыслительный аппарат заклинило. – Прозаичнее, прозаичнее...»

Но «прозаичнее» не значит «легче» или «лучше». А если во время разрушения Риты погибли люди? Как отреагировали джипсы на стрельбу фермеров? За каким чертом проклятых звездных кочевников вообще понесло на Наотар, да еще напрямик в город? Видно же, что тут на каждом шагу следы разумной деятельности! Ну как так можно, братья-сапиенсы?

– Вандалы! – вторит моим мыслям идеологически выдержанный выкрик Белокопя.

– Спокойно, кадет. – Шубин временно выключил экран. – Это еще цветочки. Самое интересное будет дальше. Как вы видите, джипсы перешли к ярко выраженным агрессивным действиям. В Рите получили ранения по меньшей мере двадцать семь человек. К счастью, комбайны перемещались медленно, а застройка там одно- и двухэтажная. Население города успело разбежаться и утащить с собой тех, кто был ранен падающими обломками. А такие категории населения, как инвалиды, грудные дети и старики, напоминая, для молодых колоний Конкордии совсем не характерны. В ответ на агрессию, дежурившая в виду каравана эскадра начала действия по вытеснению джипсов с поверхности планеты. Смотрите.

А вот это уже была настоящая война.

Комбайны джипсов еще не успели покинуть глиняное болото на месте Риты, как транспорты Конкордии высадили в окрестностях города целый бронедесантный полк с частями усиления. Ракетный дивизион накрыл комбайны быстро и четко.

Результаты первых залпов – великолепны! Колеса-шары эффектно разлетаются на куски, в разноцветных фонтанах глины вперемежку с пламенем мерещатся взлетающие в стратосферу ошметки тел загадочных чужаков.

Но дальше все пошло наперекосяк. Пресловутые гребешки атаковали боевые порядки батальона и принялись снайперски расстреливать технику из лучевых пушек.

– Судя по всему, – пояснил Шубин, – джипсами используются рентгеновские лазеры. Такие же, как и на наших флугтерах. Удивление вызывает лишь грандиозная скорострельность, ведь для каждого разового импульса нужно накапливать огромную энергию, а это, как вы знаете, требует времени. Джипсам, однако, удалось решить эту сложнейшую техническую проблему. Поэтому их пушки в двадцать раз скорострельнее наших. А это уже качественное преимущество.

Конкордианская противовоздушная оборона оказалась бессильна. Зенитная батарея батальона едва успела открыть огонь, как тут же была сожжена.

Танковые пушки – теоретически способные поражать воздушные цели – просто не успевали наводиться на лихо маневрирующие истребители джипсов. В то время как рентгеновские пушки чужаков благодаря своей скорострельности бойко молотили по земле, не смущаясь низким процентом попаданий.

Все равно один выстрел из очереди в пятнадцать – двадцать импульсов достигал цели. Танки гибли один за другим, прорываясь к проклятым домнам. Лишь немногим удалось добраться на дальность эффективного поражения и разрядить аккумуляторы плазмы по надменным башням яшмовой масти.

К сожалению, видимых повреждений домнам танковая атака не причинила.

Тогда командир эскадры бросил в бой все флуггеры, которые имелись на борту двух его линкоров и авианосца. Истребители должны были спасти гибнущий танковый батальон, а штурмовики – уничтожить домны.

В какой-то момент боя начало казаться, что наступил перелом. Пару истребителей-гребешков совместными усилиями целой эскадрильи удалось все-таки прижать к земле и сбить, комбинируя огонь танковых орудий и ракеты «воздух – воздух».

Во время первого захода штурмовики убедились, что одиночное попадание бронебойных боеприпасов в домну не приносит видимого результата. Тогда три звена штурмовиков атаковали все вместе выбранную цель и вогнали оставшиеся управляемые бомбы в одну и ту же точку прицеливания.

На этих кадрах мы ахнули.

Серии взрывов не выдержала даже эта исполинская, превосходно бронированная колонна. Она треснула, выпустила облако густого, радужно переливающегося пара и шарахнула так, что съемка просто прервалась.

– Планета хоть цела осталась? – хмыкнул Коля.

– Держи карман шире! Нас не на войну, а на восстановительные работы вербанули. Будем планету по кусочкам собирать, а потом склеивать, – подыграл я.

– Вам бы все шуточки, – одобрительно отозвался каперанг. – А командование Конкордии сообщает, что от двойного взрыва той домны, похоже, треснула материковая платформа. Главный взрыв произошел на большой глубине, у подошвы сооружения. Эквивалент – порядка мегатонны. К счастью, без радиоактивности и прочих прелестей. Ниже, под домной, находилась толстая водяная линза. От взрыва расположенная на глубине всего пять километров материковая плита получила мощный гидравлический удар... Но мы отвлеклись. Важно, что случилось с джипсами. Остальные домны от подземного взрыва, похоже, не пострадали. Командир конкордианской эскадры связался со штабом флота и получил разрешение на использование главного калибра. Два его линкора сосредоточили огонь на флагманском, то есть крупнейшем астероиде. Тогда несколько маленьких астероидов на огромной скорости покинули орбиту и подставились под огонь линкоров, прикрыв тем самым флагмана. Пока линкоры разносили тысячи тонн камня в пыль, флагманский астероид выпустил еще около тридцати гребешков. Напоминаю, что флуггеры Конкордии были связаны боем с другой группой джипсов в районе Риты. Эскадра осталась без истребительного прикрытия. Гребешки атаковали линкоры с нескольких сторон. При этом флагман джипсов виртуозно направлял при помощи неизвестного поля пылевые потоки, маскирующие истребители и мешающие наведению скорострельных орудий ближней обороны. Гребешки прорвались к линкорам, обстреляли их и, убедившись, что те прикрыты щитом, смело проскочили сквозь него. В результате боя джипсы потеряли еще два гребешка. Один линкор получил сильные повреждения. Другой взорвался. Обстоятельства боя не вполне ясны. Кажется, Конкордия предпочла скрыть от нас часть информации. Но факт налицо: в первый же день конфликта 3-я эскадра оперативного соединения «Тиштрия» была основательно потрепана и под угрозой полного уничтожения ушла с дистанции синхронного выстрела. Проще говоря, Конкордия потерпела бесславное поражение. Теперь можете задавать вопросы.

А вот и вопрос, который возник у меня сразу же, как только Шубин упомянул гребешки:

– Истребители джипсов – это те самые объекты, которые, помимо прочего, обладают фантастической маневренностью? О которых я целое сочинение вчера написал?

– Ваша фамилия Пушкин?

– Так точно!

– То-то я думаю, отчего вы все время так нахально скалитесь.

– Осмелюсь возразить: не нахально, а вдумчиво!

– «Вдумчиво скалиться» – это что-то новое в человеческой мимике. Больше подходит для сирхов. Но вы правильно скалитесь, кадет Пушкин. Действительно, гребешки – не только отлично вооруженные, но и удивительно верткие аппараты. Наши специалисты разработали тактическое наставление по борьбе с джипсами. В той части, которая касается уничтожения гребешков, ваши мысли в целом совпадают с мнением лучших экспертов и операторов штаба. Еще вопросы?

– Сегодня семнадцатое мая. Что происходило все эти дни?

Правильно, Колпин. Очень своевременный вопрос.

– Война, кадет. В районе Наотара идет настоящая война. Комбайны джипсов продолжают сбор органических веществ на планете. Оперативное соединение «Тиштрия» в течение недели пыталось уничтожить джипсов самостоятельно. После повторной крупной неудачи эксперты Конкордии наконец поняли, что лобовые атаки неэффективны. Кроме этого, Конкордия признала, что их корабли и флуггеры технически несовершенны. Великий Диван по тайным каналам обратился к Совету Директоров за помощью. У нас в таких случаях астрополитическим партнерам отказывать не привыкли. Поэтому с одиннадцатого мая мы тоже принимаем участие в конфликте. Для борьбы с джипсами создан секретный Экспедиционный Флот «Наотар». При этом командование Конкордии уступило нам честь служить главной ударной силой в операции по окончательному решению вопроса. А соединение «Тиштрия» будет проводить отвлекающую операцию. Еще вопросы?

– Не подойдут ли к каравану джипсов подкрепления? – поинтересовался осторожный Быстров.

– Этого мы знать не можем.

– Что мы будем делать? Прикрывать десант, ударные флуггеры, бороться за завоевание общего превосходства в кубатуре операции?

– Конкретные боевые задания вы получите уже в эскадрильях. Сейчас я могу лишь обрисовать общую направленность боевых действий. Командование не стремится к полному уничтожению каравана джипсов. Главная задача операции – заставить чужаков убраться из звездной системы Дромадера. Показать джипсам решимость Великорасы единым фронтом отстаивать свои колонии, невзирая на различия в политическом устройстве и физиологии. Кроме этого, наше командование хочет на практике проверить некоторые технические новинки и дать возможность в реальных боевых условиях выдвинуться талантливой молодежи. Это о вас, ребята. – Шубин улыбнулся.

Глава 2

Генеральный конструктор

Май, 2621 г.

Испытательный полигон Санта-Роза, провинция Ла-Пампа, Южноамериканская Директория

Дул неласковый западный ветер, без какого в Патагонии не обходится ни одно себя уважающее утро.

На пустующих зрительских трибунах с видом на испытательный полигон стояли двое мужчин. Оба с тревогой вглядывались в небо.

С минуты на минуту пятый прототип истребителя «Дюрандаль» должен был войти в плотные слои атмосферы. С минуты на минуту должна была решиться судьба проекта, стоявшего Объединенным Нациям кругленькой суммы в шесть целых шесть десятых миллиарда терро.

– Да за шесть миллиардов терро я могу купить пол-Патагонии! – темпераментно разорялся тот, что был в штатском (его звали Марио), как будто это были его личные деньги, а не деньги Объединенных Наций.

То и дело чертыхаясь, Марио прижимал руками хлопающие на ветру полы своего пижонского плаща цвета металлик. Он много говорил, много ругался, много жестикулировал.

– Купить Патагонию можно и целиком. Только какой смысл? Разве что чоругам ее перепродать. Пусть переселятся сюда и передохнут все. От скуки.

Собеседник Марио был одет в ношенный комбинезон инженерного персонала военфлота. Бывалая повседневная униформа без знаков различия прекрасно сочеталась с медвежьей сутулостью фигуры и суровостью черт его лица. Он культивировал бороду (лет триста назад вышедшую в Южной Америке из моды), глядел нелюдимом и разговор поддерживал в основном из вежливости.

Это был Роланд Эстерсон, генеральный конструктор истребителя последнего поколения «Дюрандаль».

Роланд с трудом терпел Марио и всем сердцем ненавидел Патагонию. «У него тяжелый характер», – говорили про Эстерсона его подчиненные.

Марио напрягся и опустил армейский бинокль.

Роланд помрачнел.

Теперь «Дюрандаль» был видим невооруженным глазом – вот она, медленно увеличивающаяся черная запятая, окруженная золотистым маревом. Вот оно, блистательное будущее Военно-Космических Сил!

– Давай, давай... Пошел, пошел, да пош-шел же, тварь ты эдакая! Ну же! – Марио нетерпеливо пританцовывал на месте.

Эстерсон казался спокойным. Он опустил голову и принялся массировать затекшую шею. Даже если «Дюрандаль» взорвется прямо сейчас, он ничего не потеряет. В конце концов это незабываемое зрелище он уже имел счастье видеть четыре раза – вполне достаточно, чтобы приелось самое лучшее шоу.

– А-а, проклятый! Держись, с-скотина! Три минутки еще продержись! – заклинал Марио далекий истребитель.

Эстерсон вынул из пачки сигарет «Солнечная Конкордия» одну и закурил. Не будь Марио так увлечен аттракционом, он мог бы заметить: у Эстерсона сильно дрожат пальцы.

Тем временем Марио от заклинаний вольфрамокерамитовой птицы перешел к более высоким материям.

– Пресвятая Дева! – взмолился он, темпераментно ломая руки. – Ну сделай же! Сделай! Тебя просит твой маленький Марио! Чего тебе стоит? Я буду хороший! В это же воскресенье я закажу в Санта-Розе молебен. Нет, два молебна! Три! Четыре! Десять! Да я построю церковь! Прекрасную церковь! Собор! Если ты мне поможешь, что я только не сделаю для тебя! Хочешь, я построю собор? Мне это раз плюнуть! И не только в Санта-Розе, но и в самом Буэнос-Айресе! На Марсе! На Ганимеди! Мне раз плюнуть! Мой тесть, между прочим, главный архитектор Солнечной, ну ты знаешь! Умоляю тебя, Пресвятая Дева! Пожалуйста!.. Хочешь, я брошу Хуаниту? Хочешь?! Я брошу Хуаниту! Брошу! Узы брака священные! Только сделай так, чтобы эта проклятая консервная банка...

Многие нашли бы этот монолог артистичным, забавным и даже в чем-то трогательным. Только не Эстерсон. Для него, воспитанного в скупом на аффекты, традиционном шведском духе, молитва аргентинца Марио была не более чем фиглярством клоуна – вконец изолгавшегося перед самим собой и перед почтенной публикой.

Несколько лет назад Марио купил Эстерсона точно так же, как сейчас пытался купить Пресвятую Деву. Только обещал он тогда не собор на Ганимеди, а восемь миллионов терро, ноги мыть и воду пить.

Сигарета догорала, но Роланд тут же прикурил новую – лишь бы не глядеть в небо. Как вдруг Марио подскочил на месте словно ужаленный и заорал:

– Нет! Только не это! В пятый раз! Ч-черт! В пятый раз! Силы небесные! Да что же это, Эстерсон, что же это такое?!

Не меняясь в лице, Роланд Эстерсон поднял глаза. Огненная хризантема, несколько секунд назад бывшая «Дюрандалем», *его* «Дюрандалем», распустилась в утренней голубизне. «Дюрандаль» падал совершенно беззвучно, но в ушах у Эстерсона грохотали похоронные барабаны Клона.

Лепестки хризантемы посерели, поникли к земле.

Только теперь их достиг хлопок далекого взрыва.

Вот они – годы работы, тонны умной аппаратуры на борту флутгера и килотонны – в эллингах экспериментального завода. Надежды генерального конструкторского бюро и сотен смежников. Пошли на освещение и обогрев околоземного пространства...

– Что же это, Эстерсон, а?! Опять что-то не предусмотрели?! Опять что-то прошляпили, черт бы вас побрал?! – брызгая слюной, орал Марио. – Что на этот раз? Опять какой-то синхротрон раком вставили?!

– Я уже объяснял вам, господин Марио, – бесцветным голосом затянул Роланд, – что задача комплектации истребителя, да и любого флутгера вообще, двухрежимным генератором защитного поля решаема, по преимуществу, в теоретическом ключе. Практически же никто ее не решил: ни энтли Конкордии, ни «восхищенные» чоругов, ни инженеры Объединенных Наций. Наши смежники из бюро Газади уже сотворили одно чудо – компактный щит-генератор, который кое-как удалось вписать в несущие конструкции «Дюрандаля». И все равно масса генератора слишком велика для такой легкой машины, как истребитель. Из-за этого мы были вынуждены отказаться от «русского стандарта» маневренности. Хорошо, давайте будем козырять перед Департаментом Флота не высшим пилотажем, а неуязвимостью в безвоздушном пространстве. Давайте на этом остановимся. Но нет же, вам этого мало. Вы хотите, чтобы истребитель сохранял неуязвимость и при атмосферных полетах! Но ведь мы видим: защитное поле изменяет параметры турбулентности и обтекание корпуса воздушным потоком принимает принципиально иной характер. Это фатально сказывается на прохождении аппаратом атмосферы, и хотя я неоднократно...

– Не хочу слышать! Не хо-чу! – беспардонно оборвал Эстерсона Марио. – Не хочу слышать этот ваш научный бред! Я менеджер, я не знаю, что такое эта ваша турбо... турбу... тор-

балентность! Мне нужны результаты, а не тупые теории! Мне нужно, чтобы машина летала! И с защитным полем! В ат-мо-сфе-ре! Понятно?!

– Позволю себе напомнить, что на доводку предыдущей модели, «Мьольнира», ушло пять с половиной лет. Европейский «Хаген» взрывался на испытаниях девятикратно. А на «Дюрандаль» мы не потратили еще и...

– К черту все это, к черту... – махнул рукой вдруг присмиривший Марио. Как и многие склонные к истерии люди, он остывал даже быстрее, чем распался.

Марио повернул к Роланду свое бледное от злоупотребления амфетаминами лицо. В его широко поставленных глазах блестели крупные слезы.

– Вот кого мне жалко, так это пилота, – сказал он и громко всхлипнул.

С минуту Роланд не отвечал – просто не мог понять, какого именно пилота жаль Марио. Менеджер пояснил:

– Ну того... того, который «Дюрандаль» пилотировал... Дети сиротами... Жена молодая...

На секунду мозг Роланда озарился вспышкой бешенства – того самого северного бешенства, которое вело в бой его далеких предков-викингов.

Для того были причины: ведь истребители во время доводочных испытаний пилотировались автоматически, как всегда, как ведется уже полтысячи лет!

Об этом тривиальном факте знают, кажется, все. Даже те, кто имеет самое косвенное отношение к военно-космическим проектам.

Даже Карлитос, разносчик кофе в лабораторной столовой, и тот знает, что никогда, никогда конструкторы не рискуют жизнью людей, сажая их в недоведенные модели летательных аппаратов. Карлитос, которому еще пятнадцати не исполнилось, знает. А топ-топ-менеджер Марио – не знает!

И этому тупице, которому никогда не выговорить слово «турбулентность», этому пустозвону, который уверен, что в обреченном «Дюрандале» сидел живой человек, этому красноглазому наркоману и юбочнику, хватает совести лить крокодилы слезки и изображать человека, которому катастрофа переломала полжизни! Исковеркала внутренний мир! Человека, который уязвлен в самое сердце!

Хотя, казалось бы, что ему, Марио? Чем он, Марио, рискует?

Даже если еще шесть «Дюрандалей» свалятся рядом на этом полигоне, он, Марио, совершенно свободный человек. В отличие от него, Роланда, человека совершенно несвободного, раба концерна «Дитерхази и Родригес». И что толку, что на банковском счету господина Эстерсона лежат восемь миллионов, если до тех пор, пока «Дюрандаль», оснащенный защитным полем, не сядет на землю при включенном же защитном поле, ему не снять со счета даже трех терро на пиво? А если он никогда не сядет?

В общем, Эстерсону стоило большого труда взять себя в руки. Он закурил снова и процедил насколько мог безразлично:

– Господин Марио, я же говорил вам на прошлых испытаниях, «Дюрандали» пилотируются дистанционно. Там нет пилотов. Это слишком опасно. Понимаете?

– Нет пилотов? Что ж, тем лучше, – загадочно отозвался Марио и с чувством высморкался в алый носовой платок.

В гробовом молчании они провели еще несколько минут. Наконец обломки истребителя грохотнули на северной оконечности полигона. Столб пыли и копоты взметнулся на полнеба.

Сутулые и злые Марио Ферейра и Роланд Эстерсон поплелись к армейскому скок-джипу. Кто знает, может, в дымящейся куче сыщется что-нибудь познавательное?

Полночь Роланд Эстерсон встретил в своем кабинете в обществе бутылки «Столичной» и трехэкранного визора «Панасоник».

Интеллектуальный светоч концерна «Дитерхази и Родригес» сидел перед визором в гидрокресле и тихо напивался.

Судя по тому, что бутылка «Столли» была пуста уже на треть, он имел все шансы встретить утро невменяемым.

Все три экрана визора были настроены на японскую волну «Асахи» и болтали на могучем языке Юкио Мисимы и великого искусства аниме.

Из могучего языка Юкио Мисимы Роланд знал только одно: истребитель по-японски – «сэнтю-ки». Роланд был шведом по национальности. Вот уже двадцать лет в жизни его интересовали почти исключительно истребители. Два дня назад ему стукнуло сорок.

Все три экрана были отвернуты к стене. Была у Роланда такая тайная страсть – *не смотреть* включенный визор.

Он предавался ей каждый вечер, добросовестно меняя каналы – сегодня японцы, завтра русские, послезавтра – Центральноафриканская Директория.

Эта непонятная иноземная болтовня была единственным, что успокаивало истрепавшегося за годы безупречной службы делу прогресса нервы господина главного конструктора после трудового дня.

Из-за этой-то страсти Эстерсона по лаборатории ходили упорные слухи, что господин конструктор знает десятки иностранных языков, но почему-то скрывает от коллег сей яркий биографический факт.

От катастрофы «Дюрандаля» Роланда отделяло теперь четырнадцать часов. Но какие это были четырнадцать часов! Хоть мемуары пиши.

Когда они с Марио прибыли на место приземления обломков истребителя, инженеры нижнего звена уже начали сортировать вольфрамокерамитовые рожки и ножки по пластиковым кулечкам с номерами.

Размахивая картой неограниченного доступа, Марио нагло перелез через желтое ленточное ограждение прямо в эпицентр импакта. Он принялся метаться и вопить там, внутри, мимоходом топча и доламывая все, что только предоставила в их распоряжение эта катастрофа, снижая до минимума шансы Эстерсона разобраться, что же стало причиной крушения на этот раз.

Тут-то Роланд дал волю своему северному бешенству.

Он за шиворот уволок Марио с дымящейся плечи и на глазах у развесивших челюсти инженеров угостил топ-топ-менеджера Ферейру знатным апперкотом. Да таким, что у Марио пошла носом кровь...

Марио, конечно, возмущался. Вывал к свидетелям. Угрожал каким-то мифическим «военным трибуналом». Клялся, что «это дело так не оставит».

Но что такое Марио? Всего-то цепной пес военно-промышленной мафии Объединенных Наций. Песик. Шавка, место которой – у мусорного бака.

Роланд не боялся Марио. Теперь уже не боялся. И он дивился сам себе – куда подевалась его шведская вежливость? Куда подевался страх перед начальством?

Вскоре знамя истерики, выпавшее из ослабевших рук Марио, подхватили фигуры посерьезнее.

Господин Гросс, ведущий акционер концерна «Дитерхази и Родригес», прилетел в Санта-Розу из самой Столицы, которая, как известно, располагается на островах Фиджи, то есть, мягко говоря, не за углом, только для того, чтобы орать благим матом битых полтора часа.

О, как он орал!

Он орал так, что тряслись бронированные стекла в конструкторском кабинете, а престарелая кошка сеньоры Талиты, секретарши Роланда, обмочилась прямо в своей корзине.

Генерал Гросс пыхтел и краснел, он тряс перед носом конструктора своим табельным оружием и обзывал Роланда «негодяем» и «дерьмом». Самым популярным словом в его лексиконе было слово «взыскание». Самым популярным выражением – «это надо ломать».

Но генерал Родригес, чье имя, собственно, и составляло половину названия концерна, пошел другим путем. Он не орал.

– Вы, господин Эстерсон, должны понимать, чем может обернуться для вас преступная халатность в сочетании с самоуправством, – шипел генерал с холодными глазами рептилии. – Ваши близкие, я имею в виду, конечно, жену и детей, будут первыми, кто ощутит на себе последствия ваших недоработок...

– У меня нет близких, – победительно бросил ему Роланд. – И никогда не было.

– В таком случае я лично позабочусь о том, чтобы создать для вас условия. Такие условия, которые научат вас работать как следует. Я вижу, вы не очень-то справляетесь, когда с вами говоришь по-человечески, – зловеще резюмировал Родригес.

Насчет «близких» Роланд, конечно, покривил душой. Когда-то у него была жена. И даже был сын.

С женой пришлось развестись через четыре года брака. На разводе Лив – так ее звали – утверждала, что не может жить с человеком, проявляющим интерес к своим супружеским обязанностям лишь два раза в году: на рождественские каникулы и на пасхальные.

Если по совести, Лив можно было понять.

Даже удивительно, как за эти четыре года они умудрились зачать сына. Пожалуй, этот факт был способен опровергнуть некоторые фундаментальные положения теории вероятностей.

Через полгода после развода Лив с грудным Эриком на руках вышла замуж повторно. Ее новый избранник был скромным владельцем магазина готового платья с лексиконом в двести слов и пивным брюшком заядлого футбольного болельщика.

Зато он любил детей. Проявлял интерес к супружеским обязанностям не менее двух раз в неделю. Умел готовить омлет с грибами и варить настоящее какао.

Ни одной из этих добродетелей Роланд похвастаться не мог.

То был период, когда Роланд вошел в знаменитый «Проект 117», где разрабатывался уникальный стыковочный модуль. При помощи этого модуля Объединенные Нации планировали сделать из своей гигантской космической базы в системе звезды Зосма и номад-станции чоругов некое подобие единого общежития. Объединенные Нации надеялись найти ответ на вопрос, могут ли люди и чоруги жить дружно. А заодно, как водится, пошпионить за чоругами в рабочей обстановке.

К сожалению, отношения с чоругами испортились быстрее, чем «Проект 117» был завершен. Но поначалу все было преисполнено энтузиазма. Роланд впервые в жизни получил должность ведущего инженера проекта. Его натурально распирало от гордости. А чувство ответственности толкало на научные подвиги. Какая уж тут семейная жизнь?

Бывало, он выходил из лаборатории, только чтобы принять душ.

Как правило, надобность в душе становилась очевидной к воскресенью.

А когда в его кабинете появилась индивидуальная душевая кабинка, надобность в воскресеньях сама собой отпала...

Кончилась эта история тем, что Лив попросила Роланда отказаться от сына. Все равно ты, мол, ребенком не интересуешься. А у ребенка должна быть настоящая семья, настоящий отец.

«Не тот отец, кто зачал, а тот, кто воспитал», – приговаривала Лив.

В таких случаях всегда говорят что-то такое – это как когда ребенок разбивает коленки, ему вот уже три тысячи лет повторяют одни и те же слова «до свадьбы заживет».

Одним словом, Роланд внял голосу разума и традиции.

Он согласился. Даже подписал документ, где в юридически корректных выражениях он, Роланд Эстерсон, отказывался от права называться отцом Эрика, давал ему разрешение на смену фамилии и обещал в дальнейшем не претендовать на внимание мальчика и не лезть со своими дурацкими советами по его образованию и воспитанию. При этом, однако, отказавшийся от сына господин Эстерсон был обязан посылать ежемесячно сумму в размере десяти процентов от своей зарплаты маленькому мальчику Эрику...

Тогда он не понимал, что делает. Не понимал, что теряет. Он был слишком увлечен «Проектом 117» и своими сумасбродными изобретениями. А когда Роланд осознал, что же натворил, – было уже поздно.

Эстерсон налил себе еще водки. Выпил. Отправил в рот блестящую черную маслину. И, подумав, присовокупил к ней желтый кружок лимона.

«Интересно, какими такими „условиями“ запугивал генерал Родригес?» – спрашивал себя Роланд, кривя лицо в лимонной муке.

Он вытер свои русые усы тыльной стороной ладони, когда его мутный взгляд упал на пластиковые контейнеры с остатками системы управления защитным полем. Контейнеры пирамидой громоздились в углу.

Пластиковые коробки были заклеены крест-накрест красной липкой лентой, по всей длине которой попугайски повторялись слова «совершенно секретно».

За последние двадцать лет Роланд видел столько «совершенно секретного», что смысл этих слов для него совершенно стерся.

На одной секретной научно-производственной базе в системе Центавра он даже видел туалетную комнату, на двери которой вместо исторического «М» или обычной живой голограммки с абстрактным джентльменом в шляпе красовался гриф «СС». А внутри как всегда – вакуумные писсуары с желтым налетом, мятые окурки под раковиной и презервативы б/у, забытые любителями bathroom fucks, каких на научно-производственных базах всегда пруд пруди...

Так вот контейнеры, как и тот центаврианский туалет, – они тоже были «СС», сов. секретными, хотя их содержимое Роланд мог бы описать и с закрытыми глазами.

Эстерсон отвернулся. Интересоваться содержимым контейнеров ему сейчас хотелось меньше всего на свете, хотя сразу после катастрофы он был буквально одержим желанием досконально осмотреть этот чудом уцелевший блок – интуиция нашептывала ему, что где-то там прячется отгадка проклятой загадки под названием «ПОЧЕМУ ОНИ ВСЕ ВРЕМЯ ПАДАЮТ?»

Но это было с утра. Теперь же Эстерсона тошнило от одной только мысли о том, чтобы работать ночью.

Он налил себе еще. И вдруг поразился произошедшей перемене. Он никогда не распускал руки, а сегодня взял да избил идиота Марио. Он всегда работал по ночам (как, впрочем, и днем, и утром, и после обеда), да он мог работать когда угодно и сколько угодно. И его никогда не тошнило. А теперь вот – тошнит.

В общем, что-то важное надломилось в тот день в душе конструктора Роланда Эстерсона. И водка «Столичная» была тут вовсе ни при чем.

Глава 3

Мы

Май, 2621 г.

Авианосец «Три Святителя»

Траверз Земли, Солнечная система

Я бы хотел, чтобы они не постеснялись назвать меня своим другом. Но мне хватало честности признать: это случится не скоро. Не сегодня и не завтра.

Даже если меня поставят в боевое расписание, даже если мне повезет выжить в воздушной свалке над фиолетовыми помидорами Наотара, если мои ракеты отыщут врага и спасут жизнь ведущему – они скажут: «Это всего лишь удача новичка. Приятная, но случайность».

И они будут правы.

«Они» – пилоты эскадрильи И-02 19-го отдельного авиакрыла Военно-Космических Сил. Больше похожие на вольнонаемный сброд из охраны корпоративной колонии, чем на офицеров регулярной армии. Не признающие промеж себя ни чинов, ни уставной формы одежды, но притом готовые драться за честь мундира до последнего вздоха – хоть в смертельном хороводе космического сражения, хоть на дуэли, хоть в пьяном угаре офицерской кантины, схватившись с каким-нибудь непочтительно ухмыльнувшимся сапером из мобильной пехоты.

Их было шестеро.

Леонид Фрайман – подвижный, стриженный почти наголо, скорый на улыбку. Улыбался он, впрочем, как-то зловеще – даже в тех случаях, когда к тому не было видимых причин.

«Фрайман. Лейтенант Фрайман», – представился он и зловеще улыбнулся.

Сергей Цапко – долговязый, с двумя серьгами в левом ухе, на первый взгляд нелюдимый и малопривлекательный субъект. «Свежих жмуров привезли», – так он прокомментировал наше появление в эскадрилье. В тот день я больше не услышал от него ни слова.

Братья Фрол и Егор Кожемякины – уроженцы Большого Муром. По-моему, этим все сказано. Известно ведь, что такое Большой Муром.

Да-да, именно. Фрол и Егор расхаживали по жилому отсеку в красных рубашках-косоворотках, носили на шее обереги, а их русые бородки курчавились исконно русскими кольчугами.

Честно говоря, поначалу они показались мне самыми сумасшедшими во всем этом летучем дурдоме. И только позже, познакомившись накоротке с людьми Клона, я понял, что ретроспективная эволюция, сорвавшая крышу населению Большого Муром, была очень умеренной и, пожалуй, благотворной вариацией на темы того, что случилось с колонистами на Вэртрагне двести лет назад.

Пятым был могучий азиат Ибрагим Бабакулов: широкоскулое лицо, кулаки размером с мою голову, волосатые лапищи и... изящные старомодные очки в металлической оправе. Смотрелись они на нем, как галстук на быке. Галстук, кстати, был таким же неотъемлемым атрибутом Ибрагима, как и очки.

«Ты похож на юного Вагнера! – восхитился он, разглядывая Быстрова поверх очков. – У тебя в роду немцев не было?»

«Вроде не было, – ответил Быстров. – А кто такой Вагнер?»

«Кто такой Вагнер? – переспросил Ибрагим, нахмурившись. – Чему вас на Новой Земле вообще учат? Как люди, не знающие Вагнера, могут называть себя истребителями?»

«Вагнер – это такой немецкий композитор», – пояснил Коля Самохвальский.

И хотя до большой дружбы с лейтенантом Бабакуловым Коле было еще далеко, этот эстетствующий киргиз, знаменитый на весь авианосец меломан и интеллектуал, посмотрел на Само-

хвальского как на человека. А не как на говорящую вошь из кунсткамеры, которой в тот момент представился Бабакулову ограниченный Быстров.

Командовал эскадрилей капитан третьего ранга Василий Готовцев. Будь я редактором еженедельника «Небесная гвардия», лепил бы его на обложку каждого второго выпуска. Не человек, а готовая статуя героя. Глаза стальные, взгляд пронзительный, зубы крупные и ровные... Впрочем, уставной формой одежды манкировал и он.

Наша эскадрилья по штату должна была насчитывать двенадцать одноместных истребителей РОК-14 «Горыныч». Но пилотов с офицерским званием в ней почему-то обнаружилось всего лишь шесть. С нами, недоделанными, получалось десять.

Куда девались остальные? Почему пришлось разбавлять профессионалов недоучками?

На все вопросы мы получили исчерпывающие ответы, когда после ужина вместе с прочими потащились в Пятый ангар принимать новые флутгеры.

Авианосец бодро пожирал миллионы километров пустоты, разделяющие Землю и Флору, а мы грустно рассматривали пару потрепанных и несколько свеженьких «Горынычей». На которых – как показывали элементарные арифметические выкладки – кое-кому из нас полетать не светит. Флутгеров в Пятом ангаре оказалось еще меньше, чем нас.

На вертикальном оперении одного флутгера был нарисован напружинившийся, злющий котяра. На другом – щекастое лицо-солнце в обрамлении лучей-лепестков. Этот флутгер имел позывные «Ярило» и принадлежал Фролу Кожемякину.

На флутгере «Кот» летал командир эскадрильи. Об этом свидетельствовал дополнительный красный шеврон на фюзеляже под кабиной.

Остальные шесть флутгеров были только что извлечены из транспортных контейнеров и смонтированы трудами авиационных техников. Никакие художества их не отягощали, если не считать стандартных опознавательных знаков Объединенных Наций и Военно-Космических Сил.

Меньше недели провел авианосец в боях за Наотар, а Егор Кожемякин, Бабакулов, Цапко и Фрайман уже стали «безлошадными».

Егор Кожемякин и Фрайман катапультировались из своих поврежденных машин и были подобраны на поверхности планеты службой поиска и спасения, оснащенной специальными флутгерами «пяточковой посадки».

Бабакулов дотянул до авианосца на последних килограммах горючего, но так неделикатно грохнул израненную машину на полетную палубу, что ее оставалось только отправить в заводской ремонт.

Цапко пришлось совсем туго. Катапульта отказала. В каждый миг мог грянуть взрыв. Ему не оставалось ничего другого, кроме как попрощаться с друзьями и повести свой флутгер в открытый космос.

Кое-как выкарабкавшись на низкую орбиту, он прихватил из истребителя газовый огнетушитель и покинул пышущую жаром машину через стыковочный кессон. Используя огнетушитель в качестве одноразового реактивного движка, Цапко умудрился отлететь от истребителя на несколько километров, прежде чем машина взорвалась.

Но всего удивительнее было то, что Фрол Кожемякин засек его радаром и, проявив чудеса прецизионного пилотажа, подобрал товарища через стыковочный кессон. И очень вовремя: прилета спасателей Цапко не дождался бы. В его скафандре от близкого – по космическим масштабам – взрыва родного флутгера стремительно скисала термоизоляция.

В итоге Цапко отделался легким, бодрящим обморожением. Его даже не пришлось госпитализировать. Меня потом уверяли, что характер у счастливчика после того случая заметно улучшился. Если это называется «улучшился», не берусь вообразить, какой же он был до Наотарской операции.

Остальным пилотам эскадрильи повезло меньше.

Четверо погибли вместе со своими машинами на глазах у товарищей.

Еще один пошел на вынужденную посадку над Сумеречными Лесами в субэкваториальном поясе Наотара. Ни летчика, ни следов падения флутгера обнаружить не удалось.

И наконец, шестой пилот подвел разваливающийся на глазах флутгер к авианосцу, катапультировался, был спасен и... отправлен в реанимацию. Судьба-злодейка вlepила его спасательную капсулу аккуратно в борт выполняющего из-за авианосца эскортного фрегата.

Но все это нам потом рассказали. А тогда мы глазели на истребители, как бараны на новые ворота, и до нас постепенно доходило, что вместо большой победы нас ждет большая бойня.

– А почему флутгеров так мало? – разочарованно спросил Коля у комэска.

– Потому что перпендикуляр. Вам «мало», а нам в самый раз.

– Чтобы вас, сопляков, поберечь, – предположил Фрайман. – По-моему, тут даже два лишних.

– Спасибо, товарищи офицеры. Объяснили. – Коля был готов расплакаться. – Только не пойму, зачем было нас из Академии вынимать? Чтобы на прогулку за казенный счет свозить?

– А я пойму?! – взорвался Готовцев. – Я пойму?! Командование обещало нам, что на Колчаке нам выделяют тридцать машин, укомплектованных опытными людьми с офицерскими патентами! Вместо этого исправных флутгеров на космодроме оказалось в два раза меньше. И ни одного экипажа! Ваше появление здесь – идиотская импровизация...

– Командир, зачем такое крещендо? – вмешался Бабакулов. – Ребята не виноваты, что Генштаб двинул с Колчака три укомплектованных эскадрильи за день до нашего прилета.

– Вот-вот, – поддержал его Фрайман. – Между прочим, это уже не первый случай в мировой истории. Когда Цезарь воевал с галлами, сенат задолжал ему целый легион. И что ты думаешь?..

– Думаю, мы узнаем это в следующий раз, – проворчал Готовцев. Он был по-прежнему зол, но уже не орал. – А сейчас поделим флутгеры. Егор, имея в виду твои, м-мм... традиционалистские убеждения, тебе предоставляется право выбирать первым.

Егор Кожемякин, как я уже сказал, родился и вырос на Большом Муроме. Поэтому я не удивился, когда этот крепкий и с виду психически нормальный мужик принялся по очереди разговаривать с каждым флутгером.

Он шептал что-то в правую бортовую дюзовую пару, дул туда и даже, кажется, тихонечко подвывал. Затем прикладывал ухо и выслушивал мнение истребителя.

При этом все прочие пилоты хранили абсолютное молчание.

Власик – парень простой, уроженец незатейливого города Зеленограда (Земля, Солнечная система) – хмыкнул и криво ухмыльнулся.

Лейтенант Цапко внушительно потряс кулаком перед носом у невежды.

После этого все мы начали старательно делать понимающий вид. Дескать, сами со своими флутгерами на короткой ноге. Болтаем о девчонках на досуге, пиво вместе пьем...

Наконец Егор Кожемякин, «спознавшись», как он это называл, со всеми флутгерами, сделал свой выбор. К нему подбежал авиационный техник.

– Значит, так, – сказал Егор, поглаживая носовой обтекатель флутгера. – Сделай все, как на старом было. На пере ему нарисуй такого же Сирина. Вязанку чеснока и красного перчика я тебе поднесу. Прикрутишь вокруг приборной доски. Дам еще тебе...

Мне было интересно, какие еще овощи Кожемякин намерен противопоставить рентгеновским лазерам джипсов, но тут «безлошадные» Бабакулов, Фрайман и Цапко одновременно набросились на другие флутгеры и техников, каждый со своими требованиями по украшательству. А к нам обратился комэск:

– Кадеты, вас четверо, а флутгеров два. Варианты вроде «летать по очереди» не рассматриваются. Дай бог успеть слетаться с нами хоть двоим. Поэтому придется что-то решать. Прямо сейчас.

– Вопрос... можно? – робко спросил Коля.

– Первый и последний. – Готовцев гордо вздернул подбородок и поиграл желваками.

Нет, жаль, решительно жаль, что я не собкор «Небесной гвардии»! Какие кадры пропадали! Матерый космический волк делится военной премудростью с молодым пополнением...

– Те, кто не попадет в летный состав, что будут делать?

– Ни-че-го.

– Совсем ничего?

– Абсолютно ничего. В остальных эскадрильях та же ситуация – перебор добровольцев, недобор флуггеров. Вас нельзя использовать как техперсонал. Вы не годитесь в бортстрелки и летнабы на спасательные машины. Вы – всего лишь дорогостоящие заготовки. Какой-то прок из вас будет через пару лет. Но сегодня вы бесполезны. Итак, решайте: кто будет летать, а кому валяться на койке брюхом кверху и жрать казенный харч.

И вот тут произошло нечто не для печати. Не сговариваясь, Коля, Быстров и Власик одновременно отказались:

– Значит, не судьба.

– Не драться ж теперь из-за них.

– Запишите меня в запасные.

– То есть как это? – Готовцев, кажется, не был готов к подобному повороту событий. Он небось думал, что мы сейчас устроим вокруг этих проклятых флуггеров громкую свару.

Впрочем, то же думал и я. Сообразительные у меня однокашники, один я туповат вышел!

– Вот так. Я не лечу. – Коля вздохнул. – Уступаю товарищам. И заметьте: я первый отказался.

– Что значит «первый»? – возмутился Быстров. – Я сразу осознал, что мне не хватает летного мастерства. И отказался не позже твоего. Так что бери флуггер, дружок.

– Именно так, кадет Самохвальский, – официальным тоном подтвердил Власик. – Вам с кадетом Пушкиным выпала большая честь. Дело будет важное, серьезное. А потому и летать вам, как лучшим нашим пилотам.

– Вы совершенно правы, кадет Власик, – встрял я. – Кадет Самохвальский больше любого из нас достоин этой чести.

Оттащил я Колю в сторонку за рукав и говорю ему на ухо:

– Ну хоть ты не позорься. Давай скажи, что пошутил. Пойдем в бой вместе, мы же сколько об этом мечтали!

– Я боюсь, – отвечает Коля, отличник боевой и теоретической подготовки. – Не знал я, что в военфлоте у нас такое творится. В штабе бардак, в эскадрилье бардак, психи кругом, потери астрономические, как джипсов бить будем, сдается, никто не знает...

– А нам что с того? Наше дело – отвечать за себя. Если мы вместе с эскадрилей пойдем в бой и погибнем – значит, судьба была со смертью повстречаться. Но если эскадрилья погибнет без нас, а мы в Академию вернемся доучиваться, нам потом всю жизнь ходить как обоссанным. Все равно через год, или через два, или через пять нам придется встретить тех же джипсов. Или кого похуже. Но только отвечать мы тогда будем уже не за себя одних, а за ведомых, а может, и за целую эскадрилью.

– Плевать. Тогда у нас будет опыт. А вот так, глупо, пойти в бой зеленым новичком и...

– Каким еще новичком? У тебя сколько часов налета на учебной спарке? Двести, верно?

– Двести пятнадцать.

– Тем более. И одиночного налета, на настоящем «Горыныче», часов сорок будет. Да мы, может, по высшему пилотажу еще кого-нибудь из здешних волков сделаем!

– Как же, сделаешь ты их...

– Верняк. Их же учили еще на «Беркутах».

– Черта с два. «Беркуты» даже из учебных частей давным-давно списаны. Я как раз недавно читал...

– Спорнем?

Коля – человек умный, положительный. Любит кошечек. И котиков. Знает больше, чем весь наш учебный курс. И, по-моему, даже больше, чем некоторые препода. Однако есть и в нем червоточинка. Азартен не в меру. Взять его на слабо – легче легкого.

– Спорнем.

– Но только уговор. Если выиграю я – ты войдешь в летный состав. Вместе со мной.

– Это нечестно!

– Честно!

– Н-ну... х-хорошо... допустим. А что будет, если выиграю я?

– Нет, не «допустим», а точно. Зато если выиграешь ты, я отдам тебе свою счастливую зажигалку.

– Ту самую?!

– Ту самую.

– Слушай... А она с тобой?

– Разумеется.

– Покажи.

Я показал.

– Плохо. – Коля снова погрузился. – Видишь ли... Ты только не обижайся... Но тут вот какое дело. Если вдруг тебя собьют, она ведь вместе с тобой... Пропадет.

– Коля, ты с перепугу совсем плохой стал. Если выиграешь ты, я ее сразу, вот прямо сейчас и здесь тебе отдам!

– А ведь точно! – Он мгновенно просиял.

Я так и знал, что его это утешит.

– Ну что – по рукам?

– По рукам!

– Товарищ капитан третьего ранга! Скажите, пожалуйста, у вас какие учебные спарки в Академии были?

– «Горыныч», РОК-14У2... Но это уже второй вопрос, кадеты! – спохватился Готовцев. – Вы разобрались наконец, кому на войну, а кому на койку?

Я выматерился. Очень и очень грубо. Но очень и очень тихо.

Хорошо, что телепатов в природе не существует. Не выявлены, выражаясь армейским языком.

– Решили, товарищ капитан третьего ранга! – откликнулся Коля.

– Ну все, давай сюда свою красавицу, – прошипел он мне, протягивая раскрытую ладонь.

Я молча отдал зажигалку и поплелся к авиационным техникам. Насколько я понимал местные традиции, мне нужно было определиться с позывными и соответственно с художествами на киле.

Кем я буду?

«Тигром»? Претенциозно и избито. «Кометой»? Уже лучше, но вызывает неприятные ассоциации с подбитым флуггером. «Черепом»? Снова ассоциации не те...

– Так кто второй пилот, кадеты?! – рявкнул Готовцев. – А то сейчас будете жребий тянуть. Или устроим между вами бой на мечях за право от боевых вылетов отвертеться!

На его командирский рык обернулись все, кто был в Пятом ангаре. И пилоты, и техники смотрели на Колю с презрением.

– Я. Я беру последний флуггер. Можно мне котенка на киле?

Коля! Все-таки Коля! Нет, недаром называю я его своим другом.

– «Кот» у нас уже есть. Это я. – Готовцев был горд своими позывными и не скрывал этого.

– Вот и хорошо. А я буду «Котенком», можно? Чтобы сильнее отличалось – нарисую сиамского. Или персидского.

– «Котенок» звучит не по-боевому. Но, принимая во внимание... – комэск крепко задумался над формулировкой, – ...принимая во внимание... Короче, «котенок» так «котенок». Традиции сильны преемственностью.

– Благодарю, товарищ капитан третьего ранга!

– Идите знакомьтесь с техниками. А вы, – Готовцев обратился к Власику и Быстрову, – свободны. Надеюсь, до конца операции.

Группа Флоры – это огромное скопление астероидов в пресловутом поясе между Марсом и Юпитером. Именно возле Флоры концентрировались эскадры, которым предстояло стать ударным ядром Экспедиционного Флота «Наотар».

Туда же подтягивались и отдельные корабли, потрепанные в боях с джипсами и вышедшие теперь из баз Солнечной системы после неотложного ремонта и спешного пополнения личным составом. Одним из таких кораблей были наши «Три Святителя».

Группа Флоры, по мнению командования, была в общем и целом похожа на караван джипсов. Перед сражением за Наотар командование собиралось провести здесь учения по отработке взаимодействия двух эскадр: российской и германской.

Планировалась массированная ракетная атака, стрельбы главным калибром и прочие полномасштабные увеселения с уничтожением здорового астероида, по структуре и габаритам близкого к флагману джипсов.

Несмотря на то что многим из нас предстояло сражаться не в открытом космосе, а в атмосфере Наотара, атакуя укоренившиеся на планете домны и прикрывая ударные флуггеры, именно здесь, среди астероидов, наше авиакрыло готовилось провести серию учебных вылетов. Сколько именно – никто не знал.

В Экспедиционный Флот, кроме русских кораблей, вошли немецкие, а сверх того – отдельные отряды и дивизионы других наций-комбатантов. Наконец, в районе Наотара Флоту предстояло взаимодействовать еще и с вооруженными силами Конкордии.

Поэтому в придачу к штатным автоматическим переводчикам, входящим в состав аппаратуры связи наших истребителей, нам выдали еще небольшие наручные трансляторы модели «Сигурд». Это железо свободно работало со всеми языками Великорасы и других гуманоидных рас.

Кроме стандартного набора функций «Сигурды» имели еще одну фирменную изюминку: декодировали языки нескольких сотен видов животных. Конечно, в той степени, в какой инфра-, ультра- и просто звуки, издаваемые канарейками и воронами, собаками и дельфинами, можно считать «языками». И не только декодировали, но при необходимости и синтезировали соответствующие «фразы».

Производители «Сигурда» уверяли, что это очень полезная бонус-функция. Скажем, совершивший аварийную посадку посреди океана пилот мог позвать на помощь дельфинов или послать по матери надоедливых акул.

Солдат, атакованный комарами, в теории получал возможность вызвать «комариных истребителей» – стрекоз или летучих мышей. И так далее.

Весь этот бред представится вдвойне бредом, если учесть, что «Сигурд» пока что работал с одними только земными животными. А воевали-то мы отнюдь не на Земле. И катапультироваться в случае чего нам предстояло не над Тихим океаном, а над Сумеречными Лесами, населенными, как гласил справочник по Наотару, промежуточными растительно-животными формами жизни. Весьма необщительными, я полагаю.

Слетать на учебу «в условиях, приближенных к боевым», пришлось пять раз за двое суток. Такая интенсивность полетов на флуггерах приближалась к пределу человеческих возможностей.

Когда б не кое-какие плюсы – комбинированный душ, отличное питание, комфортабельные кровати с гидроматрасами, – я бы не выдержал. В каждом вылете наша эскадрилья начинала новую учебную миссию. И при этом все они были спланированы так, чтобы использовать ресурс наших «Горынычей» на полную катушку. И человеческий ресурс тоже.

Мы прикрывали свои линейные корабли – многочасовое изматывающее барражирование на ближних и дальних подступах к эскадре. В один прекрасный момент по нашим радарам вмазали полосной помехой, а из группы Флоры вынырнули ударные флуггеры, поднятые с авианосцев наших коллег из Европейской Директории.

Их задачей было прорваться к российской эскадре и торпедировать наши авианосцы учебными фототорпедами. Нашей задачей – расстрелять паршивцев из фотопушек.

В грандиозной свалке наши истребительные эскадрильи перебили много флуггеров условного противника, а остальных заставили с позором ретироваться. Я даже понадеялся, что и на мою долю выпала удача. Вернулся на авианосец довольный, как слон, и готовился принимать поздравления от Кольки Самохвальского.

Увы, во время разбора полетов на Большом Полетном Парсере (в служивом народе – Прокрутчике) было отчетливо видно, что я, как самый распоследний чайник, вместо торпедоносца азартно расстрелял фантом – ложную цель. А настоящий, разукрашенный геральдическими единорогами «Фульминатор» красиво срезал Фрайман, Колькин ведущий.

За это комэск Готовцев не преминул устроить мне показательный разнос.

– Что ж ты, кадет, селекцию ложных целей не включил? Спишь в пилотском кресле?! Так ведь можно и посадку проспять! Думаешь, на учениях насмерть не бьются? Да я таких, как ты, схоронил больше, чем ты палок девкам кинул! Джипсы сопеть в две дырки не дадут!

– Осмелюсь доложить, товарищ капитан третьего ранга. Вводная не предполагала информационного противодействия со стороны противника. Не имея приказа старшего начальника на изменение режима радара и следуя Тактическому Уставу...

– Отставить, кадет! Ты видел полосную помеху, которой противник прикрывал свое развертывание?

– Так точно!

– То есть ты обнаружил информационное противодействие, но выводов не сделал?

Я обреченно повторил:

– Не имея приказа старшего начальника...

На самом деле проступок мой был вполне невинный. Точнее даже, не было никакого проступка. Действительно, Тактический Устав запрещает ведомым истребителям менять режимы радара без приказа ведущих или комэска. Формально я действовал правильно. Но и Готовцев не зря собачился.

– Пушкин, я тебе такую помеху из обычных маневровых дюз могу сообразить, у тебя такой треск по наушникам пойдет, что ты собственного голоса не услышишь. Приказы – это хорошо. Приказы надо выполнять. Но если они не поступают, это еще не значит, что голова тебе дана пилотку поддерживать. В бою надо действовать не по уставам, а по обстановке.

– Есть действовать не по уставам, а по обстановке!

– Ну-ну, не воспринимай это как руководство на все случаи жизни... Иначе зачем нужны уставы?... – пошел на попятную Готовцев.

На том инцидент был исчерпан.

На следующую миссию я отправился в препаршивом настроении. Кроме того, было страшно: нам приказали держаться к ведущим впритирку. Это значило, что носовой обтекатель моего флуггера нависал прямо над хвостовым оперением машины Бабакулова.

При этом дистанции между звеньями тоже были сокращены до минимума. Получалось, что вся наша эскадрилья – четыре звена по два флутгера – ломится в группу Флоры эдаким свальным цугом.

Не приведи господь главному флутгеру резко сбросить скорость – и вся эскадрилья рискует поцеловать его в маршевые дюзы. Страшное дело!

Обычно такой боевой порядок – по науке, «тесная колонна звеньев» – на больших дистанциях позволяет обмануть противника. Каждое звено на радарх выглядит как один флутгер, да и в оптике сгоряча пару «Горынычей» можно принять за один двухкорпусный торпедоносец типа «Фульминатор». А если противник неправильно оценил вашу численность – считайте, половина победы у вас в кармане.

Однако в том учебном вылете тесная колонна звеньев была применена нашими эскадрильями, чтобы отработать сверхбыстрый прорыв внутрь группы астероидов. Разумеется, прорыв осуществлялся после подавления неприятельской воли к сопротивлению главным калибром наших линкоров.

О-о-о, это было что-то!

Линкоры выбили из астероидов тучи пыли и щебенки. Этот мусор разлетелся во все стороны. По космическим масштабам, не очень далеко – где-то посередине между астероидами проход оставался. Но широким я его не назвал бы. Нет.

Наша задача была простой – протиснуться в этот проход и атаковать ракетами «космос – поверхность» группу учебных целей, которую построил для нас космоинженерный батальон мобильной пехоты на одном из астероидов. Этот астероид, разумеется, линкоры своими снарядами не лопатили.

Ну что же...

Прорвались.

Атаковали.

Целей, увы, никто так и не увидел – наша сторона астероида была «ночной», мы работали только по данным радаров. Взрывы ракет тоже показались совсем бледными. В общем, никакого удовольствия.

А на обратном пути выяснилось, что проход вконец затянуло пылью. И вроде бы не очень густо, а все ж для истребителей смертельно. При космических скоростях такая пылица вызывает стремительную эрозию корпуса и бронеколпака, буквально пожирая любой самый прочный материал.

Не знаю – таков был замысел этой тренировочной миссии или просто адмиралы не рассчитали мощи бризантного действия 800-мм силумитовых снарядов. Так или иначе, пришлось поворачивать коней.

А подробных-то карт остальной части группы Флоры у наших автопилотов не было! С точностью до метра в наши истребители прошли только боевой маршрут: выход через вход, так сказать. А лоцию всей группы Флоры – огромного скопища летающих скал – задали только в самых общих чертах. Готов спорить: сугубо из-за лени штабных операторов.

Кажется, даже Готовцев перетрухнул.

– Ничего, звери крылатые, звери могучие, прорвемся... – пробормотал он в микрофон. – Все радары на ближний режим... принять интервал три... ведомым следовать строго за ведущими... Давайте самый малый, десять «эм»... за мной... полегонечку...

Что в итоге?

В итоге выбрались. Все живы остались. Только флутгер Фрола Кожемякина немного камешками побил. Ремонтабельно.

Но горячки нам не хватило – слишком долго блуждали. Какую скорость успели набрать, вырвавшись из группы Флоры, – с такой, безо всякого ускорения и торможения, по инерции и поплелись домой.

Разумеется, курс мы взяли точно на «Три Святителя». Но из-за гравитационного дрейфа Экспедиционного Флота прилетели мы не домой, а, на посмешище немчуре, в аккурат к линкорам «Кенигсберг» и «Лотарингия». Им еще уклоняться пришлось, чтобы мы их не протаранили.

Тут уже комэску Готовцеву по шее надавали. Ни за что в общем-то. Думаю, в те дни нагоняи летали сверху донизу от главкома Пантелеева до последнего сержанта техперсонала. Адмиралы материли капитанов, те – лейтенантов, лейтенанты – мичманов.

Чтобы никто не расслаблялся.

Остальные учебные миссии – полный мрак. Массовые вылеты. В составе всего авиакрыла. Еще раз – в составе всего авиакрыла! И на закуску – массовый вылет всех москитных сил Экспедиционного Флота. Совместно с немцами и итальянцами. Ух, налетались!

А налетавшись, мы бухнулись в свои кровати и провалились в сон. Прямо в летных комбинезонах. Провалились, как и летали, – все вместе. Всеми москитными силами.

Проснулись мы только во время Х-перехода. Как всегда, ощущения были не из самых приятных. Но после блужданий по астероидным лабиринтам Флоры пресловутое «липкое безвременье» Х-матрицы воспринималось как ужастик для самых маленьких. Про то как в черной-черной комнате черный-черный кот крадет у детишек черную-черную шоколадку.

А пробуждение номер два состоялось уже в районе концентрации Экспедиционного Флота, на траверзе Наотара.

Офицерская трапезная авианосца производила неизгладимое впечатление. Никогда не подозревал, что на военных кораблях возможен такой шик. Одно название чего стоило: не какая-то вшивая «столовая», а «трапезная»!

И это еще скромно. Ей-ей, она заслуживала и более громких имен. Великое Святилище Пищи или, может быть, Олимп Гурманов.

Начать с того, что пилоты, расхаживающие по жилым отсекам в чем угодно, но только не в кителе, к обеду в трапезной обязательно переодевались по-уставному. И даже не ленились пристегнуть оружейные перевязи.

У входа всегда несли караул два мичмана с мечами наголо и в полной парадной форме с аксельбантами. Мичманы буравили взглядом воображаемую точку прицеливания на противоположной стороне коридора, но при этом бдительности не теряли.

Когда мы с Колей, следуя в кильватере за нашими новыми сослуживцами, впервые намеревались перешагнуть порог Великого Святилища Пищи, меч в руках одного из мичманов лег шлагбаумом поперек моей груди.

– Только для офицерского состава, – запорным голосом робота из фильма семисотлетней давности сообщил страж еды.

– Мы новые пилоты из эскадрильи И-02, – сказал я как можно громче.

– Почему не в форме? – осведомился мичман.

– Нам не успели выдать. Мы только-только из Северной Академии! – Я почти кричал.

Расчет оправдался. На мой голос обернулся уже зашедший в трапезную Егор Кожемякин.

– Пропусти этих двоих. Они вроде как тоже офицеры. Хотя и без патентов.

– Без формы не положено, – не повел бровью мичман.

– Да они, может, убьются завтра. Пусти, Володимир, а не то порчу наведу. Ты меня знаешь.

Все это Кожемякин пробасил добродушнейшим тоном. Но что-то в лице «Володимира» дрогнуло. Он молча взял меч «на караул». Проход был свободен.

Тогда, во время первого обеда на борту «Трех Святителей», я понял, что у службы во флоте есть кое-какие плюсы помимо общественного почета, романтики Дальнего Внемземья и работы для настоящих мужчин. Например, работа для настоящих челюстей и желудков.

Но когда «Три Святителя» прилетел в систему Дромадера и нас пригласили завтракать, стало ясно, что я рано радуюсь. *Так* кормить они нас долго не смогут. Значит, наш славный завтрак – для многих заодно и прощальный ужин.

Как обычно, трапезная была сервирована по принципу шведского стола. На многоэтажных стеллажах, вытянувшихся вдоль стен, громоздились блюда с сыром и балыком, цыплятами табака и ростбифами, стейками и отбивными. Салаты овощные и фруктовые, жареную картофельную соломку, печеные баклажаны и прочие мелочи жизни я даже не упоминаю.

Это все было как обычно.

Но в придачу к «как обычно» имелись: икра севрюжья и белужья, осетрина копченая и жареная, лобстеры, печень налима, свежие ананасы и манго, радужные фиги с Андобанда и оранжевые дули с планеты Махаон, какие-то немыслимые паштетики, коньяки, традиционные вина, sake и даже...

– ...Мороженое! – радостно взвизгнул Коля. – С вишенкой!

«Что ж они дитев понаприсылали-то», – читалось на лицах братьев Кожемякиных.

– Это не завтрак... О нет, это не завтрак... – возбужденно потирал ладони Бабакулов. – Это просто полет валькирий какой-то!

– «И поднялся ветер от Господа, и принес от моря перепелов, и набросал их около стана, на путь дня по одну сторону и на путь дня по другую сторону около стана, на два почти локтя от земли», – торжественно продекламировал Фрайман. – «Числа», глава одиннадцать, тридцать один.

– Жратва, конечно, славная, – согласился Фрол Кожемякин. – Да вся не наша, не славянская. Ни тебе груздя моченого, ни зелена вина...

– И ни одного орешка, – подхватил Егор. – Непорядок!

– Можно подумать, раньше давали вам груздей с орешками, – вполне резонно заметил Цапко.

– Муромцы всегда чем-то недовольны, – подал голос Готовцев, и все почтительно замолчали. – Когда я еще в Академии учился, был у нас один муромец, Евлампий. Так он считал, что «Горыныч» название для истребителя вредное. Каждый год писал докладную на имя Генерального Инспектора: «В соответствии с вековыми традициями великого русского народа увецеваю Вас отменить поганое имя нашего славного летающего корабля, известного как РОК-14, и ввести правильное поименование. На выбор: „Сокол“, „Ястреб“, „Семаргл“, „Жар-Птица“, „Конек-Горбунок“. А в Академию из Инспекции – ответная цидула: „Просим принять дисциплинарные меры воздействия на кадета такого-то“. Евлампий наш с губы не вылазил, а все-таки от слов своих не отступался. Уважаю, настоящий мужик. За что и выпьем, – сделав этот неожиданный вывод, Готовцев хлопнул стопку коньяку.

Мы поддержали начинание славного комэска. С коньяком здесь не церемонились и глушили его по-водочному. Я осадил жгучий нектар остреньким печеным баклажаном. Интеллигентный Коля скривился, как от соляной кислоты, и сразу после первой стопки загрузился осетриной. Кожемякины степенно занюхивали андобандскими фигами.

– Товарищи, минуточку внимания! – из центра трапезной донесся звон вилки о хрусталь.

Там сидели наши отцы-командиры – Тоцкий, Шубин и прочие старшие офицеры: командир корабля контр-адмирал Канатчиков, его замы и помы, старшие диспетчеры полетной службы, инженеры, навигаторы. Не хватало только нескольких вахтенных офицеров, которые несли дежурство на главных постах «Трех Святителей». Но и без них за центральным столом цвел пышным цветом оазис флотского величия: окладистые бороды, бакенбарды, высокие адмиральские фуражки, золотое шитье погон, украшенные камнями ножны именного оружия...

Сжимая потный бокал шампанского, слово держал всеобщий любимец Шубин. Трапезная погрузилась в тишину.

– Товарищи! Только что пришла ориентировка из штаба оперативного соединения «Тиштрия». Пока мы проводили тренировки возле Флоры, действия джипсов на Наотаре вошли в следующую фазу. Так называемые домны, вероятно, насытились сырьем, начали его переработку и теперь они... растут. То есть увеличиваются в размерах и ветвятся словно обычные деревья. Кроме этого, к противнику идут подкрепления: несколько новых астероидов вышли из Х-матрицы и направляются на соединение с первым караваном. Битва предстоит жаркая. Прямо скажем, нелегкая будет битва. Но проиграть ее мы не имеем права. Если сегодня джипсы заподозрят нас в слабости, завтра их караваны могут появиться не только в других колониях Конкордии, но и в Объединенных Нациях: над Махаоном и Муромом, над Каталиной и даже Землей. Кроме того, не можем мы ударить в грязь лицом и перед нашими конкордианскими союзниками...

Шубин прервался. Помолчал. И закончил:

– ...Я поднимаю свой бокал за встречу, товарищи. За встречу с вами, мои дорогие пилоты. На этом же корабле. В этой же трапезной. После победы!

Пилоты бешено заплотировали.

– Ура!

– Браво!

– Ура командиру!

– Слава человечеству!

– Смерть гадам!

– Даешь Наотар!

Какой-то верткий субъект за соседним столом перещегоолял всех. Он выплеснул в зал целую цистерну энтузиазма:

– На каждый удар агрессора ответим двадцатью! Слава Флоту! Слава Российской Директории!

Конечно же, это был мой однокашник Белоконь, приписанный к первой эскадрилье.

– Слава жратве, – пробубнил Цапко с набитым ртом.

Глава 4

Шестой прототип

Октябрь, 2621 г.

Научно-производственная станция «Боливар»

Церера, Солнечная система

Угрозы генерала Родригеса не были пустыми.

«Условия» для Роланда Эстерсона были созданы. И «либеральными» эти условия мог бы назвать разве что начальник тюрьмы особого режима. Да и то, иная тюрьма, по крайней мере из расположенных на Земле, лучше подходила для жизни и работы, чем станция «Боливар».

Казалось бы, что плохого в Церере?

Обширная подземная станция, основанная еще в эпоху колонизации планет Солнечной. На станции после основательной модернизации были устроены научно-исследовательские лаборатории и завод по производству истребителей.

На поверхности – военный космодром. Имеется также оздоровительно-развлекательный комплекс для персонала лабораторий и заводских рабочих.

Казалось бы, живи и радуйся. Но на Церере радоваться не получалось. Там даже улыбались редко.

«Пилюли счастья», как назывался в просторечии фармакологический комплекс, прописываемый на Земле лишь заядлым меланхоликам и больным с диагнозом МДП в депрессивной фазе, были на «Боливаре» вместо витаминов.

«Пилюли счастья» лопали все. И дозы назначали себе сами.

Что-то не так было на Церере. Казалось бы, эмуляторы силы тяжести и системы жизнеобеспечения там стояли самые обычные. Такие же, как на сотнях других планеток, астероидов и кораблей. И защитные купола были тоже самой расхожей конструкции.

Наверное, купола работали нормально. Но от главного они не защищали – уже через два-три дня на Церере новоприбывший начинал ощущать себя лишним. Метафизическим посторонним. Человеком, который явился погостить в этом мире без всякого приглашения.

Процент самоубийств на Церере был значительно выше среднего. Травматизм на заводе – ужасающим.

Только совокупными усилиями концерна «Дитерхази и Родригес» и Национального департамента охраны труда удавалось скрывать наводящую на грустные мысли статистику от прессы и прогрессивных слоев общественности Объединенных Наций.

Разумеется, проблему неоднократно пытались решить, не поднимая лишнего шума.

Дизайнеры по интерьеру обклеивали жилые помещения станции «Боливар» обоями самой веселой расцветки. Они заставляли коридоры драценами, а вестибюли – корзинами с цветущими примулами.

Обвешивали стены жизнеутверждающими фотографиями – целующиеся дети, торжествующие у ворот супостата футболисты, экзальтированные рыбаки, идущие домой с неслышанным уловом. Все это – для создания «дружественной, семейной атмосферы».

Психологи, насмотревшись на успехи спецов из Конкордии, достигших в деле конструктивной промывки мозгов вершин профессионализма, дрючили трудовой коллектив лабораторий сеансами «ура-гипноза», после которых, как известно, «жизнь становится прекрасна и безумно хороша».

На заводах поднимали зарплаты. В лабораториях – присваивали научные звания направо и налево.

Ничего не помогало.

Драцены и примулы чахли на глазах. «Веселые» обойчики выцветали. Футболисты и рыбаки вызывали отвращение своим неуместным оптимизмом и наигранным довольством.

После сеансов «ура-гипноза» пациенты начинали плакать и терять вес. Пришлось отменить сеансы. Обрадованные психологи смылись с Цереры с первым же грузовым судном.

Рабочие начисто пропивали зарплаты в кабаке при космодроме и увольнялись без всякого сожаления. Лаборанты и аспиранты, наплевав на степени, разрывали контракты, выплачивали неустойку и сматывались, сматывались, сматывались...

Казалось, сам воздух на станции «Боливар» враждебен человеку. Казалось, даже безжизненный грунт Цереры дышит ненавистью. Мистика!

Некогда аспиранты в лаборатории затеяли конкурс на выявление героя, которому удастся заснуть без снотворного три ночи подряд. Приз – пятьсот терро.

К моменту прибытия на «Боливар» конструктора Роланда Эстерсона пятьсот терро оставались в призовом фонде уже более двух лет...

* * *

Первое время Роланд не унывал. Он попросту не мог себе позволить унывать, ибо это означало снижение работоспособности, а снижение работоспособности означало автоматическое продление срока пребывания на проклятой станции.

Он знал – в отличие от рабочих и сотрудников лаборатории, которые могли выбраться с «Боливара» хотя бы ценой огромных штрафов и навеки испорченного резюме, он будет сидеть здесь, пока не закончит. Или пока не умрет.

Даже если теперь он вернет полученные восемь миллионов концерну «Дитерхази и Родригес» в обмен на свободу, никакой свободы он не получит. Потому что им не нужны восемь миллионов.

Им нужен истребитель.

«Дюрандаль» любой ценой.

Концерн «Дитерхази и Родригес» рассчитывает заработать на «Дюрандале» сотни миллиардов терро, не говоря уже о политическом капитале и лаврах защитников отечества. В этом Роланд был совершенно уверен. Как и в том, что война неизбежна и что начнется она совсем скоро – зачем иначе вся эта спешка, все эти истерики генерала Родригеса?

Другой вопрос, с кем будут воевать земляне на этот раз? Ответа Роланд не знал.

Впрочем, какая ему разница? Даже если в новой войне противником окажутся разумные инопланетные микроорганизмы, лучше ведь гвоздить по летательным аппаратам микроорганизмов из истребителя, оснащенного защитным полем...

Было и еще одно обстоятельство, которое заставляло Роланда держаться, вкалывать по шестнадцать часов в сутки, – его люди. Из лабораторий Санта-Розы с ним прибыли двадцать четыре человека.

Инженеры-технологи, инженеры-программисты, филдеры, то бишь «инженеры поля», защитного поля, конечно, а также аналитики, стажеры и, наконец, его незаменимая секретарша, сеньора Талита – все они составляли то, что на языке корпоративных вечеринок называлось «командой Эстерсона».

Члены «команды» находились в том же патовом положении, что и их босс. Разве что ответственности на них висело меньше.

Все они страдали бессонницей, а когда удавалось заснуть – ночными кошмарами. Сидели на «пилюлях счастья». Жили одной радостью – сеансами связи со своими семьями, которые у многих из них, в отличие от Эстерсона, были.

У большинства медленно съезжала крыша.

У сеньоры Талиты, например, на Церере проснулась тяга к живописи. Она начала рисовать.

Рисовала она сплошь черные кляксы на тошнотворно-зеленом фоне. По одной кляксе в день – сеньора Талита утверждала, что в районе десяти вечера на нее обязательно находит вдохновение.

Эти рисунки были очень похожи. Менялись разве что интенсивность фона и пропорции клякс – иногда они смахивали на головастики, иногда – на картежные трефы.

В остальном сеньора Талита оставалась образцом адекватности и здравого смысла. Но Эстерсон чувствовал: это ненадолго.

Помощник и протезе Роланда, двадцатилетний эксперт по отказам аппаратуры Андрей Грузинский, который сильно напоминал Эстерсону себя самого в том же возрасте, а потому вызывал симпатию, тоже, если можно так сказать, отличился.

Грузинский потерял голову из-за чернокожей филдерши Джун Донн.

Пожалуй, на эту тему можно было бы написать абсурдистский роман. Джун была старше Грузинского на двадцать три года. Она была замужней матерью троих детей и ревностной протестанткой, заключившей контракт с «Дитерхази и Родригес» для того, чтобы дать своим взрослеющим детям первоклассное образование.

Джун весила сто четыре килограмма и напоминала лицом и повадками самку носорога.

Тощий белокурый тихоня Андрей ходил за Джун по пятам, не сводя глаз с объемистого круппа своего объекта обожания.

Он писал ей стихи. Он испек для нее русский национальный торт «Наполеон». Он даже попробовал овладеть ею за кулисами одного сабантуя.

Возмущенные вопли Джун, дающей отпор ловеласу, состояли преимущественно из непарламентских выражений. Их можно было услышать даже в кабине истребителя. По крайней мере в этом уверяли техники, тестировавшие комфортабельность пилотского кресла «Дюрандаля» на вибростенде.

И все же за пять месяцев на Церере Роланду удалось кардинально продвинуться в деле совершенствования «Дюрандаля».

Ему посчастливилось установить причину предыдущей катастрофы. Проведенное его командой дотошное моделирование последнего испытательного полета показало, что еще до взрыва истребитель потерял устойчивость в полете и произвел аварийное выключение двигателей. Причем произошло это не вследствие роковых турбулентностей, вызванных работой защитного поля, а из-за нарушения электронной связи с рулевым сервоприводом.

Канал электронной связи – бронированная труба толщиной с бревно – никак не производил впечатление элемента конструкции, который в принципе способен сломаться. Но чем черт не шутит!

Повторное исследование уцелевших после катастрофы обломков показало: один из каналов рулевых сервоприводов действительно был перерезан. По крайней мере косвенные данные свидетельствовали именно об этом!

Словно гончий пес Роланд пустился по следу.

Он сутками не отходил от микроскопа. Он не появлялся к обеду и практически не спал. Он искал подтверждения своей гипотезе.

Найти их было не легче, чем разыскать в саванне льва, обнаружив под баобабом клочок его вылинявшей шерсти. Поскольку еще в воздухе на «Дюрандале» произошел мощный взрыв. Все, что осталось от истребителя, помещалось в восемнадцать пластиковых коробок...

Но Эстерсону все-таки повезло.

Не прошло и месяца, как он обнаружил неопровержимые доказательства того, что в камере сгорания левого двигателя имелся свищ, через который вырывалась наружу струя раскаленного газа. Она-то и срезала злополучный канал, тот самый, толщиной с бревно...

Остальное было делом техники.

На сей раз он лично контролировал изготовление каждой гайки. По его приказанию двадцать человек день и ночь многократно проверяли качество комплектующих. Во многих случаях – по разработанным конструктором лично уникальным методикам. Эстерсон следил за каждым движением рабочих и автоматов в сборочных цехах.

Конечно, с такими нововведениями дело двигалось медленно. Рабочие роптали, начальство выло в тихом бешенстве. Но Роланду было плевать.

Прошло еще три месяца. Новый «Дюрандаль» был почти готов.

Члены «команды Эстерсона» ходили окрыленные. Ведь теперь у них появилась надежда в обозримом будущем попасть домой.

Поль Виллардуэн, руководитель секции филдеров, даже хвастался, что вдвое снизил дозу «пилюлей счастья».

Грузинский набрал пару кило и увлекся инженером-системотехником Ким Фризвальд, пергидрольной блондинкой с томным грудным контральто, соотечественницей Эстерсона. Ким была всего на десять лет старше Грузинского. В порыве женолюбия ее даже можно было назвать «сексапильной».

Сеньора Талита обратилась к реализму и написала портрет своей кошки. Это был прогресс – и в художественном смысле, и в психиатрическом.

Но сам Эстерсон был на взводе.

Во-первых, знал он цену всем этим «надеждам на возвращение», всей этой «окрыленности».

В прошлый раз, когда подходила к концу работа над пятым прототипом, все тоже ходили как обкуренные.

Ждали и верили.

Пели песни. Молились.

Считали минуты до старта.

А потом? Что было потом? О, потом была огненная хризантема в небе над пустыми трибунами, бесноватый генерал Родригес, расформирование лаборатории в Санта-Розе, перевод спаянного трудового коллектива на проклятую Цереру, которая хуже концлагеря. Кто поручится, что в этот раз будет иначе? Кто гарантирует, что вся проблема была в том свище, в электронном канале?

Ну разве что Господь Бог лично.

А во-вторых... Роланд не мог точно сформулировать для себя, что именно во-вторых.

Он чувствовал какое-то внутреннее давление, какой-то катастрофический душевный неуют.

Чем он был вызван? Мыслями о брошенном сыне, который, дурачок, даже не подозревает, кто его настоящий папа? Предчувствиями близкой старости? Тем, наконец, в чем он сам страшился себе признаться: ему остохренели истребители, любые истребители и даже прекрасный, совершенный «Дюрандаль»?

Так или иначе, Эстерсон начал проводить свободные вечера (а они у него теперь появились, ведь истребитель уже стоял под покраской) в баре при космодроме.

Впервые в жизни он даже выучил несколько названий спиртных напитков сверх традиционных «Абсолюта» и «Столичной».

Его фаворитом стал коктейль «Так сказал Заратуштра».

В его состав входило топленое верблюжье молоко, жженный сахар и тростниковая водка. Это был самый популярный спиртной напиток Конкордии.

И хотя во всем остальном Эстерсон считал население Конкордии, в просторечии также именуемой Клоном, зашифрованными психами, самое место которым – в дурдоме, он вынужден был признать, что в данном случае Заратуштра говорил дело.

Однажды вечером, когда Эстерсон сидел за стойкой полупустого бара над третьим «Заратуштрой» за вечер, к нему подсел лысоватый щуплый мужчина предпенсионного возраста.

По виду – типичный «батяня» элитной сборочной бригады, завербовавшейся на Цереру подрубить деньги.

Немного затурканный, немного потрепанный, с пивной кружкой в руке. Разве что глаза у него были по-мальчишески задорные и умные. Впрочем, в глаза ему Роланд тогда еще не заглядывал.

– Вы не против, если я угощу вас пивом? – галантно спросил «бригадир».

– Я не пью пива, – холодно сказал Роланд и, спохватившись, добавил: – Но за предложение спасибо.

– Не пьете пива? Тогда я могу угостить вас водкой.

– С недавних пор я перешел на коктейли, – буркнул Роланд.

– Тогда я могу угостить вас коктейлем! Но если вы откажетесь в третий раз, мне, конечно, придется уйти. Не нравится мне роль назойливого завсегдатая питейного заведения. – «Бригадир» лукаво усмехнулся.

– Но вы ведь ее играете, эту роль? – Роланд пожал плечами.

Для настоящего бригадира его собеседник изъяснялся слишком кудряво. Неужто агент вражеских спецслужб или, что еще хуже, спецслужб своих – глобальных или корпоративных?

– Я играю ее только потому, что хочу выпить с Роландом Эстерсоном.

– Вы даже знаете, как меня зовут?!

– Церера слишком маленькая. Она просто не может себе позволить сохранять настоящее инкогнито своих обитателей. Ну, вы меня понимаете...

– Понимаю, – быстро согласился Роланд. – Но я лично не знаю, как вас зовут.

– Разрешите представиться, – церемонно сказал «бригадир». – Пан Станислав Пес.

От этого известия у Эстерсона нефигурально пересохло во рту.

Станислав Пес, знаменитый инженер-параметрист, гордость концерна «Дитерхази и Родригес». Ведущий специалист по управлению динамикой полета. Да это же его монографию «Обеспечение стабилизации и управление движением летательного аппарата в условиях ужесточения динамических схем и в отсутствие резервов по параметрам» он пять лет назад, во время работы над эскизом первого прототипа «Дюрандаля», просто зачитал до дыр!

И хотя Пес посвятил свое исследование вовсе не полету истребителей, а посадочным эволюциям фрегатов, информация, которую почерпнул Роланд из той закрытой ведомственной книжечки с разлапистым грифом «СС», оказалась воистину неоценимой.

Вот уж неожиданность так неожиданность!

– Станислав Пес – это вы? – только и смог промолвить Эстерсон.

– А что, не верите?

– Честно говоря, не верю, – энергично замотал головой конструктор, словно бы силясь развеять наваждение.

– А что, если бы я представился Санта Клаусом, поверили бы?

– Если бы предъявили свой мешок с подарками – поверил бы.

Эстерсон отхлебнул еще «Заратуштры» и наморщил лоб.

А что, если это все-таки шпион?

Или даже Бог с ними со шпионами. Они, если судить по инструктажам корпоративной службы наблюдения, вербуют не так топорно... А если это все-таки розыгрыш? Если какой-то шутник или, допустим, сумасшедший решил выставить его, Роланда, легковверным идиотом?

Эстерсон представлял себе Песа совершенно не таким. Эдаким чопорным сухарем, без намека на чувство юмора, не таким по-пролетарски жилистым, не таким веселым, что ли. Да и вообще, он был уверен, что Пес вот уже лет десять не работает на «Дитерхази и Родригес», найдя себе местечко потеплее. В какой-нибудь военной академии или в университете с именем. Умненькие студенты, сообразительные мечтательные студентки, с патентов каждый месяц капает неплохая денежка... Такой жизнью можно жить, именно о такой жизни мечтал он сам. И ему казалось, что именно Пес заслуживает ее больше других!

А если это вовсе не...

В голову Эстерсону пришла идея, которая показалась ему блестящей.

– Скажите, Станислав, вы помните испытания фрегата класса «Ла-Джола» в 2609 году?

– Лучше, чем собственную бабушку.

– В своем отчете вы писали, что штатная система стабилизации не справлялась из-за увеличения диаметра и габаритов разгонного блока. Так?

– Так.

– Что вы тогда сделали, а? Как решили задачу?

На миг лицо Песа стало растерянным и каким-то грустным. Он поставил кружку на стойку бара, нахмурился и спрятал глаза.

– Разве все упомнишь, – сказал он, озадаченно почесывая лысеющий затылок. – Давно ведь это было...

Роланд уже почти утвердился в мысли, что перед ним никакой не Пес, и что так ему, доверчивому простофиле, и надо, как вдруг его собеседник встрепенулся и изрек:

– Значит, так: во-первых, мы ввели новую коммутацию, изменив схему управления маневровыми дюзами с звездной на древовидную. Во-вторых, сместили центр масс корабля в корму, перекомпоновав хозблок камбуза и водяные резервуары... Но если вам действительно это интересно, то я должен сказать...

– Достаточно! Достаточно! – воскликнул Роланд и широко улыбнулся. – Извините меня, это была просто... просто...

– ...Проверка на вшивость, – окончил за Эстерсона пан Станислав и подкупающе рассмеялся.

Они выпили еще по четыре «Заратуштры».

Вначале Пес угощал Эстерсона, потом – наоборот. А после – снова Пес. Этот цикл в принципе мог длиться вечно.

Они перешли на «ты» и трещали без умолку, словно две дамочки после похода по распродажам.

Похлопывая друг друга по плечу, они рассыпались в любезностях и открывали друг другу «страшные» тайны.

Между прочим выяснилось, что пан Станислав работает в секретной лаборатории АСАФ, также принадлежащей концерну, которая располагается в северной части станции «Боливар». И что в отличие от Эстерсона на Церере он уже шесть лет.

– Шесть лет! – вытаращил глаза Роланд. – Шесть лет! Я тут всего пять месяцев и уже чувствую – с ума схожу! Хочу домой. Хочу увидеть настоящую сосну. Настоящий снежный сугроб! Хочу морозяку минус сорок!

– Что, не нравится тебе на Церере? – с подначкой спросил Пес.

– Не то слово! Я даже начал скучать по Патагонии. А ведь когда мы работали в Санта-Розе, я был уверен, что паршивей места не сыщешь! А тебе что, здесь нравится?

– И мне здесь не нравится. – Пес помрачнел.

– Почему же ты сидишь здесь так долго?

– Потому что никто не давал мне разрешение отсюда съехать.

– Что, не окончил проект? Дело не клеится? – с участием поинтересовался Эстерсон, который заподозрил в Песе товарища по несчастью.

– За эти шесть лет я окончил два проекта, – гордо отчеканил Пес. – Но что толку?

– Как это – «что толку»?! – возмутился Эстерсон. – Они обязаны отпустить тебя! Ты же выполнил свои обязательства – и теперь они должны выполнить свои.

– Послушай, Роло, – устало сказал Пес, – давай не будем о грустном.

– Как это «не будем»? Как это «не будем»?!

– Да так. Ведь оба мы знаем, что отсюда нам не выбраться. По крайней мере пока генерал Родригес и его начальство не решат обратное...

– Кто это «мы»? Кто это «знает»? Что за ерунду ты говоришь, Стази!

– Я говорю то, что знаю. Думаешь, я не пробовал отсюда уехать пять лет назад? Три года назад? Пробовал!

– И что?

– И то. Вот оно. Любуйтесь! Завидуйте! Пан Станислав по-прежнему здесь! Поначалу мне морочили голову. Довольно безыкусно, надо сказать. Рассказывали, что медицинские тесты обнаружили в моем костном мозге каких-то зловредных козявок и что мне лучше побыть пока на Церере, соблюсти карантин. Потом обещали деньги – много денег. Когда я отказался, лишь бы только порвать с этими живоглотами и убраться отсюда, они начали меня откровенно шантажировать! Вначале мягко – потом, конечно, обнаглели. Вначале они рассказывали мне, что мой младший брат Людвиг, начальник никелевого промысла на одном легендарном месторождении, проворовался и находится на полпути к тюрьме. До моего сведения довели, что если я буду хорошим мальчиком, Людвигу ничего не грозит. Когда я довольно откровенно заявил, что вору самое место за решеткой, они прибегли к более весомым аргументам...

– К каким еще «весомым аргументам»? – недоверчиво спросил Роланд.

– Они сказали, что стоит мне только войти в зону терминалов космодрома Цереры, как в тот же час концерн «Дитерхази и Родригес» предоставит в Глобальное Агентство Безопасности информацию, что я, Станислав Пес, был изобличен в торговле военными секретами налево. Это значит, стоит только рыпнуться – и концерн сделает из меня Изгоя Номер Один. Преступника. Дичь для травли. Газеты с удовольствием подхватят всю эту чушь, и моим внукам будет стыдно ходить в школу... И тогда никто – ни адвокат, ни даже сотня адвокатов – не сможет мне помочь. Ибо концерн «Дитерхази и Родригес» всегда сможет нанять вдесятеро больше прокуроров...

– А сбежать? Всегда ведь можно сбежать!

– Теоретически можно. Но куда? Куда можно сбежать, когда даже Клон просматривается нашими спецслужбами от Великого Дивана до последнего сельского сортира включительно? Точнее, просматривать сельские сортиры будут спецслужбы Клона, а уж потом доложат нашим, в рамках, так сказать, братской взаимопомощи по поимке перебежчиков. Но какое мне до всего этого будет дело, если в итоге меня посадят в тюрьму или скорее всего снова вернут сюда же, на Цереру?

– И ты думаешь, со мной будет так же? Думаешь, они не отпустят меня, даже когда «Дюрандаль» будет готов?

– Я не «думаю». Я в этом уверен. Покинуть Цереру можно только в белых тапочках.

После той попойки в обществе пана Станислава Песа на Эстерсона навалилась депрессия – в худших церерианских традициях. Первым ее признаком было то, что, протрезвев, конструктор снова перешел с поляком на «вы».

Это что же получается, господа хорошие? Хоть работай, хоть сачкуй, а результат один?

Ты им все, а они тебе пожизненное научно-техническое заключение?

Ты им «Дюрандаль», а они тебе – тяжелый кондиционированный воздух и «пилюли счастья»?

И что толку в восьми миллионах терро, если ты их не в состоянии даже потратить?

О, Эстерсон хорошо представлял себе, что это такое – быть миллионером, который не знает как оприходовать свои миллионы. Между прочим, к моменту начала работ над «Дюрандалем» он уже был счастливым обладателем счета с двумя миллионами терро. И что?

Здесь, на Церере, по условиям контракта он мог снимать со своего счета не больше тысячи в месяц – «на приватные нужды» (а в Патагонии, кстати, не мог и этого).

Увы, не понятно было, каковы они, эти нужды. Ведь ему, главному конструктору, все здесь, на «Боливаре», бесплатно!

Одежда и питание, оздоровительные бассейны и книги, стереофильмы и музыка. Разве что выпивка в баре за отдельную плату. Но сколько же это нужно наливать, чтобы пропить тысячу терро, если один «Заратуштра» стоит два терро, а пакет соленых осьминожек из озер Вэтрагны, которыми коктейль полагается закусывать, полтора? Да нужно пить просто от заката до рассвета, обедать и ужинать розовым брютотом (семь терро бокал), чтобы растратить штуку терро в месяц!

И потом, разве ради денег взялся Эстерсон за работу над «Дюрандалем»? Нет, не ради денег. Из интереса. В чем же тогда проблема?

Теперь Эстерсон знал точный ответ на этот вопрос.

Проблема состояла в том, что интереса больше не было.

Шестой прототип «Дюрандаля» готов к полетам. Вот-вот высохнет последний, восемнадцатый слой защитного покрытия. Совсем скоро завершится оборудование кабины. Потом – первые испытания в безвоздушном пространстве. Прямо здесь, в поясе астероидов. Эти испытания пройдут на «ура» – точно так же, как и в предыдущие разы.

Затем истребитель разберут, упакуют в транспортный модуль, погрузят на корабль и отвезут на Землю. Например, в ту же Санта-Розу, а может быть, и в Новую Зеландию – мало ли у концерна «Дитерхази и Родригес» испытательных полигонов?

Там – снова пробные полеты без защитного поля. Затем решающий: при включенных генераторах. Нестерпимые минуты ожидания – сгорит, не сгорит?

Однако чутье профессионала подсказывало Эстерсону: он сделал невозможное возможным. На этот раз с посадкой при включенном поле проблем не возникнет. Но даже если?..

Увы, теперь его это совершенно не волновало. Совершенно!

Эстерсона страшили эти перемены в отношении к великолепному и ужасному детищу, к венцу своей конструкторской карьеры.

Он не понимал, что за буря перевесила все вывески в его душе. Но разве это было важно?

Это было так непривычно – как будто он... мертв при ясном сознании! Ведь и впрямь истребители были всей его жизнью. А теперь – что?

Эстерсон стал всерьез подумывать о самоубийстве. В самом деле, зачем теперь все эти труды, испытания и нервы, если ему все равно? Имеет ли смысл держаться за жизнь, если ее остаток – между прочим, весьма жалкий – он обречен провести среди веселеньких интерьеров «Боливара» с полудохлыми драценами? Или за стойкой бара в обществе пенсионера Песа и бокала «Заратуштры»?

Итак, самоубийство.

Между прочим, в условиях категорического запрета на хранение оружия (вызванного как раз тем, что инженерный люд на Церере только о том и думал, как бы поэффективнее убить себя или, допустим, непосредственного начальника) покушение на собственную жизнь было затеей для натур неленивых, смелых и изобретательных.

Ни столовых ножей, ни даже штопоров в комнате Эстерсона не водилось. Да и вообще, ты попробуй еще заколись штопором. А резать себе вены пилочкой для ногтей – ненадежно да и глупо как-то...

В химии Роланд разбирался как свинья в апельсинах. И хотя в его комнате, разумеется, имелась аптечка первой помощи, у Эстерсона не было уверенности в том, что горсть каких-нибудь красных в черную крапочку пилюль, похожих на очокурившихся божьих коровок, гарантирует чудесное избавление от оков плоти.

Даже если он выпьет их две горсти – кто поручится, что медицина и в этот раз не совершит очередное маленькое, рутинное чудо, доставив его прямо с того света в объятия Марио Ферейры?

Что обычно делают инженеры и прочие начальники в производственных романах с продолжениями, которые так популярны в Клоне и экранизации которых нет-нет да и попадают в прокат Объединенных Наций? Правильно. Вешаются.

Но Эстерсон сразу отказался от этой заемной затеи. Ведь служба наблюдения не дремлет. Его комната просматривается днем и ночью. Стоит ему только приладить петлю к вентиляционной решетке, как появятся молодчики в форме и, подхватив его под белые ручки, потащат напрямик в санитарный блок, где ему будут колоть столько дури, что он не ровен час позабудет свое имя...

Частенько вспоминал Роланд свой девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр», семейную реликвию рода Эстерсонов – вспоминал с тоской и благоговением.

Этот пистолет, передававшийся в их семье от отца к сыну, некогда служил личным оружием Карлу Эстерсону, капитану линкора «Вестерноррланд».

И линкор, и капитан не раз отличились в бесшабашных космических боях эпохи Ранней Колонизации, вследствие чего башня главного калибра «Вестерноррланда» попала во двор Аландского Музея Внеземелья, а Карл Эстерсон – в двадцать пятый том Энциклопедии Героев Объединенных Наций.

Элегантный, легкий армейский пистолет с емким магазином, надежнейшим ударно-спусковым механизмом и хищным стальным блеском – о, если и сводить счета с жизнью, то при помощи такой вот штуки!

Сколько раз он, маленький Роланд, разбирал его собственными кривыми ручонками на пятьдесят пять частей и дивился тому, как изящно, как эргономично и точно решена эта крохотная машинка смерти с уникальной серебряной табличкой «Вице-адмиралу Эстерсону от восхищенного командования»!

Быть может, вообще весь его интерес к инженерному делу начался с этого вот «ЗИГ-Зауэра».

Увы, пистолет остался лежать в футляре, обитом зеленым бархатом в нижнем ящике его письменного стола. А сам стол – в его стареньком доме в Хернесанде, со второго этажа которого открывается такой пронзительно-прекрасный вид на стальные воды Ботнического залива.

Кстати, а кому достанется этот дом после его, Эстерсона смерти? Кому достанется «ЗИГ-Зауэр»?

Чтобы определиться с этими интересными обстоятельствами, предусмотрительный Эстерсон тут же написал завещание. Из которого следовало, что его деньги и имущество достанутся Эрику.

«Пусть думает что хочет. Например, что деньги ему прислала добрая фея, у которой в башне замка персональный печатный станок, а пистолет – свихнувшийся Санта Клаус».

Он запечатал завещание в конверт, который надписал «А. Грузинскому. Лично». И положил конверт на столик возле кровати лицом вниз – чтобы, значит, ребята из службы наблюдения себе глаза не ломали, пытаясь разобрать, что за послание накрапал их склонный пооригинальничать клиент.

Воспоминания о дедовском «ЗИГ-Зауэре» были такими реалистичными! Эстерсон словно бы чувствовал в руках его смертельную стальную тяжесть, словно бы слышал глухой ход его немудрящей автоматики.

По ночам Роланду особенно нравилось об этом думать – как он вышибает себе мозги из старинного, овеванного славным ветром истории пистолета. В этих извращенных мазохистских мечтаниях он находил особое удовольствие.

«Однако, – вдруг подумал Эстерсон, – что мешает мне сделать такой же „ЗИГ-Зауэр“ самому?

Неужели мне не по силам скопировать простецкую старинную машинку, в которой вдобавок я помню каждый винтик? Ведь в моем распоряжении все универсальные станки лаборатории! Да что лаборатории – завода! Кто там догадается, для чего предназначается эта детальюшечка? Разве что Грузинский. Но ведь Грузинский стучать не станет!

Пусть дальность и кучность стрельбы у его кустарного «ЗИГ-Зауэра» будут курам на смех, но ведь и охотиться на белок он с ним не собирается! Не велика задача – сделать пистолет, способный уложить человека с расстояния пять метров!»

Сказано – сделано.

Через две недели кривой-косой «ЗИГ-Зауэр» калибра 9 миллиметров с коробчатым двухрядным магазином емкостью на 15 патронов и весом девятьсот граммов лежал во вместительном внутреннем кармане Роланда Эстерсона. Впервые за долгие месяцы он позволил себе улыбнуться трижды за одно утро, хоть и странное это было дело – улыбаться приближению собственной смерти.

Не раз и не два за этот день Эстерсон прикладывал руку к груди. Но не к сердцу, отнюдь. Там даже сквозь комбинезон отчетливо холодил тело его стальной друг. Эстерсон постоянно ощупывал его – словно пытаясь удостовериться, что пистолет на месте, что он не потерялся и не сбежал.

Весь следующий день Роланд провел в сентиментальном оживлении.

Он был необычайно любезен с сослуживцами. В обеденный перерыв угостил Грузинского мартини и подарил сеньоре Талите свои золотые часы. Привел в порядок бумаги и даже нанес прощальный визит «Дюрандалю», который уже стоял на катапульте в шахте № 8, полностью готовый к испытательным полетам вокруг Цереры.

Эстерсон старательно прощался с жизнью. А когда вечером, точнее, поздно ночью, он пришел домой, то понял: пора действовать.

Он вошел в туалетную комнату – единственное помещение, которое не просматривалось наблюдательными камерами (точнее, оно начинало просматриваться в случае, если клиент не выходил из него дольше двенадцати минут).

Роланд встал напротив зеркала и достал пистолет.

Перед тем как засунуть в рот холодное дуло, Эстерсон бросил взгляд в зеркало – в конце концов с собой ведь тоже нужно попрощаться!

То, что увидел Эстерсон в зеркале, поразило его, более того – испугало. Да так, что ослабевшая рука с пистолетом безвольно скользнула вниз.

На него смотрел немолодой усталый человек в мятом, несвежем комбинезоне с претенциозной эмблемой концерна «Дитерхази и Родригес» на груди. На эмблеме уродливый голошей стервятник (по замыслу дизайнера, конечно, орел) и пузатый лев (больше похожий на мутировавшего гривастого бульдога) поддерживали стилизованную под старину карту звездного неба, на фоне которой гордо реял некий технобуревестник (надо полагать – истребитель).

Человек из зеркала сильно сутулился. Его темно-русая борода была длинной, неухоженной и, прямо скажем, мерзкой. Длинные седые космы – жирные и немые, спускались на самые плечи. Лицо – изможденное, словно бы желтушное. Глаза незнакомца из зеркала, под

которыми набрякли малоэстетичные синие мешки – стигматы методичного пьянства и недосыпания – светились тусклым огнем безумия.

В общем, ни интеллекта, ни тонкой душевной организации лицо нелепого бородача не отражало. И симпатичным его мог бы назвать разве что святой, которому все равно какого уroda возлюбить.

НЕУЖЕЛИ ЭТО Я?

Эта мысль, родившаяся невесть в каких дальних доменах мозга Роланда Эстерсона, чудом сохранивших адекватность, больно хлестнула по самолюбию.

«Неужели это я, потомок вице-адмирала Карла Эстерсона, сумевшего дважды бежать из андобандского лагеря для военнопленных?» – шепотом проговорил Роланд, и его рот искривила гримаса муки.

«Неужели они все видят меня таким?»

Эстерсон закрыл глаза, чтобы больше не видеть отвратительного, жалкого бородача. А может, чтобы не заплакать.

Конструктор спрятал пистолет в карман.

Нет, он не сведет счеты с жизнью. Ведь разве он жил все эти годы?

* * *

Часы показывали полночь и узел служебных гейтов был погружен в нее по самую стеклокерамическую крышу. Снулые роботы-уборщики вылизывали полы своими намыленными языками, рабочие ночной смены нехотя заступали на вахту.

Бодрый и подтянутый Роланд Эстерсон стоял у гейта шахты № 8 и вел стандартную беседу с «Диотимой», системой допуска в рабочую зону космодрома. Эстерсон был тщательно подстрижен и даже пахнул дорогим одеколоном – рождественским подарком сеньоры Талиты. На нем был новый, не без щегольства скроенный комбинезон из блестящего криошелкового волокна, высокие кожаные ботинки и «умный» пояс, нашпигованный всякой полезной чертовней наподобие портативных источников питания и аптечки первой необходимости.

На спине у Роланда висел вместительный рюкзачок. Судя по тому, как натянулись ремни рюкзачка, в нем лежало килограммов десять полезного груза. С учетом уменьшенной силы тяжести, рюкзачок на самом деле тянул едва ли не на все земные тридцать.

– Ваши имя и фамилия?

– Роланд Эстерсон. Сегодня у меня счастливый день. Можете звать меня Роло.

– Уровень доступа?

– Первый, исключительный. Дальше уже некуда, откровенно говоря.

– Пароль?

– «Золотая Фрейя пряла золотые нитки», – произнес Эстерсон на шведском.

– Пароль не правильный, – с механической монотонностью проговорил девичий голос. –

Повторите пароль.

– Ах черт! Конечно не правильный! «Конь Одина Слейпнир был слеп и нервен искони».

– Цель визита?

– Промышленный шпионаж.

– Извините, господин Эстерсон, но такой дескриптор отсутствует в моей базе данных.

Повторите цель визита.

– Угнать «Дюрандаль» и смыться на нем туда, где раки зимуют.

– Повторите цель визита!

Эстерсон тяжело вздохнул – придется отвечать по форме. Снова повторять навязшие на зубах глупости, которые он уже повторял тысячи раз раньше. Никому не нужные глупости, между прочим! Ведь все эти кони Одина и золотые Фрейи – они всего лишь страхуют систему

опознавания по радужной оболочке глаза и сенсор запахов. А эта дура заладила – «цель визита, цель визита»...

С другой стороны, а чего он хотел от куска железа, оснащенного девичьим голосом и названного не без помпы Системой Безопасности Входных Гейтов «Диотима»?

– Господин Эстерсон, повторите цель визита!

– Целью визита является проверка блока подачи топлива истребителя «Дюрандаль», – ответил Эстерсон и скроил в камеру предельно серьезную мину.

В недрах системы раздался хорошо знакомый Эстерсону щелчок. Гейт был разблокирован, путь свободен.

– Проходите, господин Эстерсон.

– Спасибо, «Диотима». И передайте Марио Ферейре, что если я когда-нибудь встречу его на далеких просторах Галактики, я клянусь лично открутить его тухлую тупую башку и засунуть ее прямо ему в задницу. Вот почему я не советую Марио Ферейре искать меня на далеких просторах Галактики.

– На здоровье, господин Эстерсон, – невпопад отвечала «Диотима» ровным доброжелательным голосом.

Гейт распахнулся. Роланд, помедлив чуть для торжественности, шагнул в хорошо освещенный вестибюль шахты.

Мосты сожжены.

Глава 5

Сияние

Май, 2621 г.

Авианосец «Три Святителя»

Траверз Наотара, система Дромадера

Пилюли для нейтрализации алкоголя и эндоморфинов были проглочены и переварены, после чего к нашим ненасытным желудкам снова подкрался голод.

Инструктаж был окончен. Цели поставлены. Порядок взаимодействия с соседями, ударными эскадрильями, разведкой и спасателями определен.

Мандраж трижды начинался и трижды проходил.

Наконец нам приказали надеть скафандры и занять места в истребителях. Вначале должны были взлетать тихоходные ударные и обеспечивающие эскадрильи – их-то машины и стояли на катапультах, а также в первых и вторых ячейках элеваторов.

Наши истребители занимали третьи и четвертые ячейки. Элеваторы должны были доставить машины на катапульты, а уже катапульты – отправить нас в полет.

Но механика пока что безмолвствовала. Техники возле пультов давились холодным кофе, офицеры нервно прохаживались за их спинами, поскрипывая лакированными ботинками.

А командование все ждало чего-то.

И вот наконец в наших наушниках прозвучало долгожданное:

ГОТОВИТЬСЯ К ПОДАЧЕ НА КАТАПУЛЬТЫ

Истребители вздрогнули и потихонечку поползли вверх. Выпускающий офицер Пятого ангара сделал нам ручкой.

Тем временем двумя палубами выше взлетали эскадрильи штурмовиков, торпедоносцев и постановщиков помех.

Потом батарея из двенадцати катапульти разом выстрелила эскадрилью И-01, которая, в отличие от нашей, была укомплектована флуггерами на сто процентов.

Вслед за ней на направляющие были поданы из элеваторов и расписные истребители нашей эскадрильи: «Кот» Готовцева, «Ярило» и «Сирин» братьев Кожемякиных, «Тор» Бабакулова, «Центурион» Фраймана, «Барбус» Цапко, Колькин «Котенок» и мой «Лепаж».

Да-да, после долгих раздумий, я пришел к выводу, что знаменитый дуэльный пистолет – элегантная и уместная эмблема. Да и как позывной «Лепаж» звучал неплохо.

ПЯТЬ...

ЧЕТЫРЕ...

ТРИ...

ДВА...

ОДИН...

СТАРТ!

– Говорит Кот, говорит Кот... Доложите по бортсистемам...

– Ярило: все путем.

– Сирин: лады.

– Тор: полный порядок. Красотища кругом какая, командир!

– Отставить... Не забивай эфир...

– Центурион: все в норме. Только радар как-то странно бликует. Кто-нибудь еще видит засветку в дальней зоне сектора двести двадцать – двести пятьдесят?

– Нет засветки.

– Ничего.
– То есть вообще.
– Не считая, конечно, нашей армады.
– В утиль его снеси, Леня.
– Центурион, если и дальше будет бликовать – останешься на общешлотском канале целеуказания до конца вылета.
– Кот, это неумно. Общешлотский наверняка забьет вглухую.
– Центурион, отставить разговорчики! И вообще, это всех касается. Жду докладов Барбуса, Котенка, Лепаж.
– Лепаж: бортовые системы работают нормально. Слышу вас хорошо.
– Короче надо быть, кадет... Барбус: норма.
– Котенок: норма.
– А теперь помолчим, ребята. Напоминаю: следующее включение – только после Сияния. После Сияния. Конец связи.

В наушниках трижды пискнуло и наступила гробовая тишина.

Теперь все наши бортсредства работают только на прием. Наши радары выключены, вокруг дюз раскрыты теплозащитные экраны. Очень хочется надеяться, что полное радиомолчание и выключенные радары введут джипсов в заблуждение относительно численности и намерений ударной армады.

Наши «глаза и уши» – сверхмощные радары специальных флуггеров дальнего обнаружения «Асмодей». Они следуют за основными боевыми порядками под истребительным эскортом, в который отражены итальянцы.

Радары «Асмодеев» сканируют пространство до самого Наотара и передают разведданные на флагманские корабли флота. Там эти сведения собирают в единую картину, дополняют данными от других источников и возвращают на «Асмодеи», которые ретранслируют их на флуггеры ударной группы.

Таким образом, флот все знает о нас, а мы имеем доступ к динамической базе разведданных флота.

Несколько громоздко, зато каждая консервная банка на орбите Наотара, каждый камешек размером с перепелиное яйцо своевременно обнаруживается, классифицируется и... конечно же, отфильтровывается как мусорная информация. А вот все действительно важные цели – комбайны и домны джипсов, их летающие дома и истребители-гребешки – учтены, стабильно сопровождаются и не станут для нас неприятной неожиданностью, когда нам доведется столкнуться с ними в бою.

«Асмодеи» – самые сложные и дорогие машины, какие только есть на борту наших авианосцев. Благодаря им мы знаем все, что нам нужно знать.

Впрочем, сейчас и наши эскадрильи, и корабли Экспедиционного Флота собраны в сомкнутые боевые порядки. А потому даже пассивной оптики хватает, чтобы воочию насладиться грандиозной мощностью, которая выступает против каравана джипсов.

Две колонны линкоров разворачиваются в двухэтажный строй фронта. Бронированные монстры «Кенигсберг», «Лотарингия», «Остеррайх» и «Данмарк» расходятся веером вверх от оси колонны, готовясь стать первым этажом пространственного фронта. Российские «Украина», «Белоруссия», «Прибалтика» и «Кавказ» станут вторым. Наши линкоры имеют больший калибр орудий и грандиозный боезапас ракет, немецкие считаются более живучими. Все корабли – новейшие, постройки последнего десятилетия.

За линкорами, тоже строем фронта, движутся пять авианосцев – три наших, немецкий и итальянский. Наш «Три Святителя» – второй справа. Рядом с ним, по центру, флагманский «Варяг». Флагман поновее и покрасше, но даже «Три Святителя» и его систершип «Ослябя» смотрятся рядом с немолодыми немцем и итальянцем настоящими богатырями.

Горжусь Россией!

Вместе с линкорами авианосцы составляют ядро флота. Ядро надо беречь как зеницу ока, поэтому оно взято в «коробочку» из фрегатов. Фрегаты повсюду – и наши, и европейские, и еще какие-то чудные. Индийские, что ли?

Кроме фрегатов, тяжелые корабли прикрыты несколькими эскадрильями истребителей с «Варяга» и бортовой авиацией линкоров. Флутгеры патрулируют по большим эллипсам, выше и ниже линейного флота.

Ну а сотни флутгеров главной ударной группы, и мы в их числе, на полной скорости, тесными колоннами звеньев, направляемся к Наотару. Только не прямо туда, где ветвятся и растут домны джипсов, и не туда, где болтаются на средневисотных орбитах их космические дома-астероиды.

Главная ударная группа должна войти в атмосферу Наотара в двух тысячах километров от зоны штурмовки. После этого, описав над поверхностью планеты широкую дугу и выйдя тем самым в сектор, из которого джипсы вовсе не ожидают нашего нападения, мы получим сигнал «Сияние».

«Сияние» – это начало массированной атаки. А заодно и название свежего маскировочного трюка, который должен скрыть от джипсов наш выход на рубеж удара.

Что ж, посмотрим...

Все мы выдерживаем одинаковую скорость с точностью до тысячных долей метра в секунду. Автопилоты ведут наши машины с предельно малыми интервалами. Назвать их «безопасными» можно лишь с известной долей условности.

Пока ничего не происходит, и я могу позволить себе немного поглазеть по сторонам, переключая камеры сферического обзора на соседние эскадрильи, на уменьшающиеся силуэты линкоров и авианосцев.

Где-то еще должно быть наше десантное соединение с кучей своих ударных кораблей, с устаревшими линкорами и эскортными авианосцами, фрегатами и мониторами. А из-за обратной стороны Наотара готовятся нанести отвлекающий удар конкордианские союзники – оперативное соединение «Тиштрия».

Никто, конечно же, не потруился поставить нас в известность относительно полного стратегического замысла операции. Поэтому мне остается только догадываться, где и когда наши намерены высадить десант и будет ли он вообще высажен.

Мне также неясно, что это за загадочное «подкрепление», которое идет к джипсам на помощь, и как наше командование учло в своих планах появление новых астероидов.

Линейные силы, завершив развертывание боевых порядков, двинулись самым полным ходом. Сейчас их скорость лишь в полтора-два раза уступает нашей.

Когда мы войдем в атмосферу Наотара, линкоры приблизятся к каравану джипсов на дистанцию в половину синхронного выстрела. Беглый огонь главного калибра с такого расстояния должен быть убийственно точен. Остается надеяться, что так и случится.

Но уже сейчас линейные силы начинают разыгрывать увертюру к своей главной партии.

В наушниках пищит предупредительный сигнал.

Аппаратное разрешение камер моего «Горыныча» не позволяет увидеть подробностей – как раскрываются створки люков, как выползают из бронированных казематов ракетные контейнеры и вдоль корабельных бортов текут неприметные струйки кристаллизовавшегося пара. Я вижу главное: вспышки, десятки вспышек вокруг линкоров и фрегатов.

Это и есть начало генерального сражения: первый ракетный залп.

Во время боев с джипсами выяснилось, что корабельные ракеты класса «космос – космос» – даже сверхмощные «Пасифики» – против их астероидов не очень эффективны.

Однако во время интенсивного обстрела джипсы вынуждены тратить большую часть своих энергетических ресурсов на противоракетную оборону, а главное – у истребителей-гребешков возникают проблемы со взлетом.

Противников страшнее этих сверхманевренных истребителей нашим флутгерам еще встречать не доводилось. Поэтому сдержать проклятые гребешки на базах в недрах астероидов – пусть даже путем непомерного расхода ракет – главная задача флота на первом этапе операции.

Похоже, джипсы это понимают очень даже хорошо.

«Асмодеи» сразу же спускают нам новые цели: вокруг астероидов один за другим появляются истребители противника. Как черти из табакерки...

Ага, а вот еще новость. Похоже, несколькими минутами раньше начали ракетную атаку и конкордианские корабли: стая каких-то громоздких аппаратов вынырнула из-за планетного диска и быстро приближается к каравану.

Здорово придумано!

Отвлекающий ракетный удар Конкордии в данном случае стал основным. Не успели джипсы вывести в космос и четверти своих истребителей, а конкордианские трехсоттонные дуры уже начали рваться прямо в гуще их астероидного роя!

Уцелевшие истребители джипсов дробятся на две жидкие группы: одна разворачивается против флота Объединенных Наций, другая – против проявивших себя пока что лишь ракетной атакой кораблей Конкордии.

Наша же ударная армада на полной скорости обходит астероидный караван стороной. Если джипсы нас все-таки заметили, должно быть, недоумевают: что за бокоходы эти земляне?

Вместо того чтобы сразу вслед за ракетным ударом навалиться всей массой на караван (как уже пытались сперва конкордианцы, а потом сдуру и наши), главные силы москитного флота ведут себя так, будто намерены атаковать Дромадер – местное солнце, – а вовсе не зло-вредные астероиды.

Итак, мы на боевом маршруте. Мы уже двадцать минут принимаем участие в генеральном сражении, а все еще целы. От учений в группе Флоры наша операция пока что отличается только в лучшую сторону.

В космосе – таком, казалось бы, однообразно пустынным и диком – тоже есть своя особая топография. Есть великолепные звездно-планетарные ландшафты, есть укромные уголки сказочной красоты, есть черные вонючие дыры и серые омерзительные клоаки.

Об этом много и со вкусом могут порассказать волки Дальнего Внеземелья. Но и моего, весьма скромного опыта хватило, чтобы проникнуться эстетическими нюансами грандиозного серебристо-черного великолепия.

Скажем, в ближайших окрестностях Земли всегда празднично. Космические лаборатории и заводы, орбитальные крепости, тысячи мелких спутников, мусорщики, монтажные универсалы, магистральные лайнеры и контейнеровозы, копейные наконечники патрульных фрегатов и убедительный уют линкора у горизонта видимости...

Все это обсыпано огоньками, светофорит дюзами, подсвечивает пространство вспышками плазменной сварки и огромными монтажными прожекторами. Я не говорю уже о том, как прекрасны, каждая по-своему, обе стороны Земли, дневная и ночная, на фоне которых текут техногенные реки наших космических челноков!

Чем ближе к Луне, тем скучнее, но все равно есть на что поглазеть – хоть на те же купольные города в знаменитых кратерных цирках. Даже над ночной стороной Луны, где, конечно, темно, не покидает ощущение, что ты по-прежнему дома. Ну, может, не дома, а в саду. В темном малиннике.

За орбитой Луны, если двигаться в направлении Солнца, как-то тревожно. Земля становится все меньше, а Венера не спешит увеличиваться, да и не всегда ее сыщешь – может ведь гулять и где-то по ту сторону Солнца.

А вот зато светило наше центральное припекает все сильнее.

Автоматически включаются светофильтры. И, сфокусировав камеры переднего обзора на крае солнечного диска, ты воочию убеждаешься, что солнышко-то наше – никакая не монетка золотая на голубом небе. А огромное косматое чудовище, закутанное в протуберанцы, бурлящее в извечном термоядерном самосожжении.

Грозный, будоражащий нервы пейзаж.

Тоска зеленая подступит к горлу и начнет душить насмерть, если взять направление прочь из плоскости Солнечной системы. Чем-то сродни восхождению на огромную лысую гору, подножие которой утонуло в угольно-черном тумане.

Нас на учебном авианосце «Дзуйхо» однажды завезли в настоящий чистый космос, примерно на пятьдесят астрономических единиц над плоскостью Солнечной системы. Чтобы, значит, мы психологически адаптировались к действиям без привычных визуальных привязок. Мы летали только по данным приборов, по азимутам и пеленгам систем целеуказания.

Наше Солнце там было меньше булавочной головки. О Земле и прочих планетах я вообще молчу – они исчезли, растворились, как будто и не было их никогда.

Я и не думал, что так вот запросто может навалиться депрессия. Те тренировки оказались самой мрачной страницей моего обучения в Академии.

Шикарное, наглое сияние Млечного Пути раскатало мою волю в тонкий лист, который я потом долго еще сворачивал в некое подобие бравого бумажного кораблика...

Так что пейзажи в космосе очень разные бывают.

Тот сектор средних орбит Наотара, через который операторы проложили наш маршрут, относился к категории неприглядных свалок, на которых не поют птицы и давно уже захламлена травка.

Конкордия явно сэкономила на мусорщиках. Кажется, с первого дня колонизации Наотара на средних орбитах сбивалось в кучу все отслужившее барахло: сгоревшие ускорители и куски архаичных тепловых экранов, списанные бакены и сломанные спутники.

Но этого мало. За последние недели в сражениях с джипсами было потеряно не меньше десяти боевых кораблей и сотни флуггеров. Кое-что свалилось на Наотар, кое-что улетело в открытый космос, но большая часть этого добра по-прежнему дрейфовала вокруг планеты.

Безотрадное зрелище.

Мы пробирались по окраинам космической мусорки, дидактично подсвеченной лучами Дромадера. Гротескные обломки были исчерчены вдвойне гротескными, жесткими тенями.

Через экраны проползла какая-то сладкая парочка, похожая на два столкнувшихся флуггера. Впрочем, я не уверен, что выпирающий, опутанный трещинами конус был носовым обтекателем летательного аппарата земной конструкции. Мне показалось, что сквозь трещины я вижу труп в оранжевом скафандре, но скорее всего разыгралось воображение.

Мимо нас проплыл безжизненный конкордианский дредноут – судя по очертаниям надстроек, безнадежное старье, ровесник того самого «Кира Великого», который впервые повстречал джипсов в этих же самых палестинах.

Верхнюю носовую башню ветерана сорвало страшным внутренним взрывом. Палубные и бортовые бронеплиты под ней были выворочены наружу, вдоль корпуса тянулся широкий раскол.

Остальные башни линкора-мертвеца были развернуты в сторону, где когда-то находился противник. Теперь орудия смотрели примерно на Полярную, то есть в никуда.

Еще две дыры чернели в районе двигательного отсека. Линкору досталось по первое число, и мне трудно себе представить, что еще кроме бронебойных силумитовых снарядов других линейных кораблей в состоянии так изуродовать могучую летающую крепость.

Важная деталь: все спасательные челноки были на месте.

Вряд ли три, пусть даже очень сильных взрыва уничтожили всю команду линкора до последнего человека. Памятуя о конкордианских нравах, легче было поверить, что космолотцы остались на своих местах и вели бой до конца. До последнего глотка воздуха, до последней судороги в коченеющих мышцах.

Интересно, убили они хоть одного джипса, расстреляли хоть один гребешок? Хорошо бы если «да».

Перед входом в атмосферу все эскадрильи временно развернулись в строй фронта. По-прежнему соблюдая полный режим радиомолчания, флуггеры десятками срывались с орбиты и стремглав бросались на штурм этой неподатливой и опасной стихии – воздуха.

Прежде чем флуггер Готовцева клюнул носом и ринулся вниз, тем самым подавая нам знак «следуй за мной», я бросил прощальный взгляд на поле космической битвы. Но край диска планеты уже скрыл от нас караван джипсов. А вот компактный рой кораблей Экспедиционного Флота мне посчастливилось разглядеть.

Сами линкоры и авианосцы, конечно, на такой дистанции давным-давно выродились в точки, но бортовой оптики на максимальном увеличении мне хватило, чтобы увидеть главное.

Все линкоры развернулись бортом к противнику. Таким образом, двухэтажный фронт превратился в две кильватерные колонны, что обеспечивало возможность использовать против врага и носовые, и кормовые башни.

И... восемьдесят восемь орудий главного калибра шарахнули залпом!

Пять секунд на перезарядку...

И снова залп!

И снова!

Давай, братцы, давай, kamaraden, не жалея на супостата закритической технологии!

Эх, засмотрелся...

Флуггеры нашей эскадрильи зарделись выхлопом маневровых дюз, а «Кот» Готовцева уже уходил вниз, в розовое свечение наотарского дня...

Нас предупредили, что Наотар – планета достаточно жесткая для атмосферного пилотирования. Особенно противными там были высокие широты Южного полушария – шквальные ливни, крупный град, мощные гроззовые фронты.

Разумеется, по закону подлости именно на границе высоких широт нашей армаде и была назначена точка входа. Она не просматривалась ни с астероидов каравана, ни из зоны штурмовки, где джипсы варили в своих домнах адову кашу.

Нам предстояло поэскадрильно прошить атмосферу и снизиться до четырех километров. Там, в районе встречи, над приметной горной грядой, все три сотни флуггеров собирались в несколько многоярусных эшелонов.

Этот боевой порядок, выдуманный на ходу нашими штабистами, носил красивое название «Троянский конь». Но, честно говоря, не было в нем ничего от коня, а уж тем более Троянского.

Скорее уж наш строй походил на кабана с могучим рылом, расплюснутым туловом и небольшими, рудиментарными крылышками. Эдакий своеобразный кабанопегас.

Может, кто-то в штабе свято уверен, что Троянский конь был крылат и кабановиден?

Гениальная простота построения заключалась в том, чтобы запустить в голове ударной группы положенную набок пирамиду Хеопса, набранную из истребителей «Горыныч». В числе

примерно восьмидесяти машин. Они и составляли голову кабана, а заодно – истребительный щит построения.

За истребительным щитом рядом выступали колонны торпедоносцев «Фульминатор» и штурмовиков «Белый ворон». Это было тулово кабана.

Если бы мы сражались не с джипсами а, скажем, с Клоном, огромный щит из истребителей был бы верхом идиотизма. Его сравнительно легко обнаружить, а еще легче расстрелять издалика наземными средствами.

Но у джипсов не было никаких наземных средств. Они использовали одни лишь грешки.

Против этих проклятых сверхманевренных истребителей годилось только одно: предельное массирование огня. Чем большую кубатуру удастся прохватить ракетно-пушечным огнем – тем выше вероятность поразить малочисленные, но верткие машины нашего противника.

Именно эту глубокую стратегическую мысль я изложил на днях Федюнину. И хоть была она мне весьма несимпатична (выходило, бить джипсов надо числом, а не умением), видимо, свидетельствовала о моей способности к трезвой оценке ситуации. Что, конечно же, умными командирами всегда ценилось.

Как легко догадаться, глупыми командирами ценились задорные словеси краснобайствующих субчиков вроде Белокопца.

Для дальнейшего массирования огня за нашими «Горынычами» и ударными флуггерами шел развернутый в несколько пеленгов немецкий Jagdgeschwader на двухместных истребителях «Хаген».

Немцы составляли... как бы это сказать... мягкие части кабана и служили нашей тяжелой воздушной артиллерией – каждый «Хаген» нес по шесть новейших дальнобойных ракет класса «воздух – воздух».

Эти ракеты – упс, забыл, как называются, помню только что французского производства, – считались лучшими в своем классе. Против джипсов их до сего дня еще не применяли. Первую серийную партию ракет прямо из заводских цехов доставили к Наотару спецрейсом мобилизованного гражданского контейнеровоза.

Наконец, еще четыре эскадрильи «Горынычей» были вынесены на фланги, повыше уровня основной группы. Это были, как легко догадаться, крылья кабана, а по назначению – наш маневренный резерв.

А где-то далеко и высоко, в стратосфере, под персональным истребительным эскортом плыли всеведущие «Асмодеи» и обвешанные фантом-генераторами монстры информационной борьбы «Андромеда-Е». В этой же компании находились и две эскадрильи флуггеров-спасателей, которым предстояло вытаскивать за уши сбитых пилотов.

Надо отдать должное штабу: наша армада не только согласованно вошла в атмосферу и стремительно снизилась до заданных высот, но и собралась в Троянского коня за расчетные семь минут!

Трясло немилосердно. И все-таки, вопреки моим худшим ожиданиям, управление машиной ни на миг не терялось, даже когда мы проходили через высотный «ревуший пояс».

Нам, соплякам, было легко – держи свое место в строю рядом с ведущим и ни о чем не думай. А вот каково приходилось, например, комэскам, которые вели за собой по восемь – четырнадцать флуггеров? Впрочем, на то они и асы.

Оказавшись над поверхностью Наотара, наш Троянский конь не спешил рвануть к джипсам кратчайшим курсом NNE – «северо-северо-восток».

Нет, вначале мы повернули на SE, юго-восток, почти перпендикулярно к направлению на цель.

Прошли над черным грозовым фронтом, который полутора километрами ниже утюжил горные долины.

Потом вошли в башнеподобные кучевые облака. Видимость – ноль. Тут-то впервые по-настоящему и пригодилось целеуказание с «Асмодеев» – при выключенных радарах мы были слепы, как кутята. Но передача данных с флуггеров наведения позволяла нам правильно выдерживать курс, интервалы и дистанции.

Облака закончились. Некоторое время мы неслись над океаном, где и повернули почти строго на север с легким доворотом на запад.

Вот теперь «Троянский конь» шел прямо на джипсов. До района боевых действий оставалось не больше четырехсот километров.

Вся передняя полусфера была издевательски безмятежна. Даже облака рассеялись.

Под нами простирался кажущийся почти черным океан, над головами светилось розовое небо. Справа от нас над горизонтом висел огромный диск Дромадера.

Я до рези в глазах всматривался вдаль, надеясь разглядеть следы боевой работы наших линкоров. Может, завалили наконец хоть один проклятый астероид? Взрыв при падении такой махины можно увидеть за сотни километров. Да и домны взрываются будь-будь! Что, если накрыли их наконец-то главным калибром?

И я увидел. Правда, не совсем то, что ожидал.

Откуда-то – казалось, прямо из безмятежного зенита – ударили молнии. Таких молний мне видывать не приходилось – это были ослепительно белые толстые черви, которые не ветвились и не исчезали через миллисекунду. Один раз возникнув и впившись в землю где-то далеко за горизонтом, черви извивались не меньше минуты и только вслед за тем, сменив цвет на бледно-желтый, нехотя погасли.

После удара этих невиданных молний небо впереди истерически запунцовело и... всколыхнулось. Над горизонтом разгорался, разрастался ввысь и вширь атмосферный пожар. Будто вырываясь из огромных газовых горелок, изменчивой стеной поднялись языки розового, красного, оранжевого, кобальтово-синего пламени.

«Сияние! – вспомнил я. – Конечно же! Искусственная гипериионизация воздуха, созданная экспериментальными установками с борта „Андромед-Е“!»

Да, это было именно полярное сияние. Мне доводилось видеть подобное на Новой Земле, но, конечно же, наш рукотворный феномен был краше и ярче во сто крат.

Такая завеса надежно скрывала нас от визуального наблюдения. Вдобавок для улучшения маскировочных свойств ракеты с фрегатов впрыснули в Сияние новейший реагент, который металлизировал молекулы водорода. Ни радиоволны, ни инфракрасное излучение теперь сквозь завесу пройти не могли.

Сияние экранировало нас и от наземного, и от космического наблюдения джипсов. Но мы-то знали, куда летим – координаты наземных сооружений джипсов были фиксированы, – и нам до поры до времени не было нужды в том, чтобы видеть врага. Главное – самим подкрасться поближе, оставаясь незамеченными.

А не повредит ли флуггеру пролет сквозь Сияние?

Нам обещали, что не повредит. Но на всякий случай каждый из нас должен был выпустить по ионной завесе ракету «Овод», расчищая себе дорогу воздушным взрывом.

Полотнища пылающих небес надвигались. Впереди показалась береговая черта. Такая же черная, как и океан под нами. Только четкая белая полоса прибоя разделяла одинаковые цвета двух стихий Наотара.

Сверился с картой. Так и есть – здесь к самому берегу подступали Сумеречные Леса. Над ними клубились облака, имеющие совсем уж химерический вид на фоне бушующего Сияния. Словно влили в расплавленную медь кипящее золото, выплеснули драгоценную смесь в ртутное озеро и замешали миксером.

Разглядеть Сумеречные Леса, это чудо инопланетной жизни, было непросто. Но даже здесь, на высоте, чувствовалось, что под нами простирается *неведомое*.

Бррр, не завидую я тем пилотам, которым пришлось катапультироваться над этой перистой, беспокойной поверхностью, сотканной из миллионов псевдорастений.

В наушниках раскатились два мощных аккорда из какой-то оперной прелюдии. Бабакулов наверняка узнал их с лету, да нам и говорили даже, откуда они – что-то весьма символическое, приличествующее моменту.

Но я запомнил. Помнил только, что аккорды транслируются с «Асмодеев» и означают: «К бою! Ракеты товсь!»

Я выбрал «Овод» из правого подкрыльевого блока, отключил эвристику боеголовки и выставил ей безусловный подрыв на десяти километрах. Именно с такой дистанции мы должны были обстрелять Сияние.

Флутгер Готовцева покачал крыльями. Комэкс напоминал: сбрасываем высоту и скорость, ребята.

Это была перестраховка: на самом деле каждый из нас уже получил очередную подсказку от репетира автопилота.

Но и перестраховка лишней не бывает. Если у Центуриона, то есть у Фраймана, в начале вылета барахлил радар, у кого-то другого мог ведь сломаться и автопилот. Безотказной техники не бывает.

Максимальная скорость нам теперь не нужна. Мы выжали из наших машин все, чтобы как можно быстрее выполнить сложный обходной маневр и обрушиться на домны оттуда, откуда нас никто не ждет. Но флутгерам за огромную скорость приходится платить потерей маневренности. На последнем участке маршрута мы превратились в выпущенные из линкорского орудия снаряды: летишь вперед быстро, но энергично сманеврировать невозможно.

А вот теперь не нужно нестись сломя голову. Чем медленнее сблизимся мы с джипсами, тем больше времени получим на ракетный удар, тем ловчее и увертливее будут наши машины в маневренной фазе воздушного сражения.

«Горынычи» понижают температуру в реакторах и раскрывают воздушные тормоза.

Мы ждем команды с «Асмодеев» на пуск ракет. Ее все нет. Пищат только репетиры автопилотов.

Что делать? По карте мы только что проскочили рубеж ракетной атаки.

Вижу вспышки под крыльями своих соседей слева. Это значит, что ракеты пущены.

Я тоже жму на «Пуск».

«Оводы» так быстры, что уследить за ними в полете невозможно. Видимым является только оставленный ракетами жиденький белесый след. Кажется, что наши «Горынычи» только что разродились сотканными из пара молниями.

Несколько ракет проскочили Сияние, остальные попали вполне точно. Однако пробили они бреши в ослепительной завесе или нет, я заметить не успеваю.

Потому что где-то чуть впереди и ниже моего эшелона в ослепительном шаре взрыва исчезает истребитель наших соседей с авианосца «Ослябя».

«Горыныч» – точнее, то, что от него осталось, вырывается из облака раскаленных газов. Левое крыло снесено до самого фюзеляжа, двигатель вываливается вбок. Страшным напором встречного воздуха с истребителя срывает куски иссеченной осколками обшивки.

Машина крутится вокруг продольной оси. Управление истребителем, конечно же, потеряно.

Ну же, браток, не тяни! Чего ждешь? Потом будет только хуже! Катапультируйся!

Ка-та-пуль-ти-руй-ся!

Бжик! – сразу вслед за отстреленным бронеколпаком кабину покидает дымчатый болид пилотского кресла.

Правда, из-за вращения флуггера кресло пошло не вверх, а почти горизонтально вбок, чудом разминувшись с соседними истребителями. Но высоты ему хватит, если только раскроются парашюты.

Главное – успел!

И слава Богу.

Но что за чертовщина?! Кто стрелял? Если это джипсы, почему «Асмодеи» не выдали вовремя целеуказание? Или кто-то из задних эшелонов случайно подстрелил своего?

Но весь боевой порядок рассчитан так, чтобы каждый флуггер имел квадрат чистого неба для пуска ракет в переднюю полусферу! Или кто-то не выдержал своего места в строю?

Поскольку мои собственные бортовые радары все еще отключены – сигнала «Сияние» нет как нет, – я начинаю тупо, как мой прапрапрапрашур на каком-нибудь «Яке», крутить башкой, надеясь разглядеть источник угрозы.

Подозреваю, тем же заняты и все мои коллеги.

Кругом наши флуггеры, джипсов вроде не видать...

И вдруг взрывается еще один «Горыныч».

На этот раз флуггер разваливается сразу же и бесповоротно. Это – верная смерть пилоту.

Сразу же вслед за тем сквозь наш строй проносится четверка пятнистых оливково-кирпичных летательных аппаратов.

Они падают из поднебесья практически отвесно и быстро исчезают где-то на фоне земли.

Джипсы!

В тот же миг мой истребитель входит в Сияние. На бронеколпаке кабины разыгрывается световой гала-концерт. В наушниках поют настырные сверчки, хрустят чипсы, скворчит яичница – в общем, обычные помехи.

Еще секунда – и Сияние позади.

Глава 6

«Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэруламский»

Октябрь, 2621 г.

Научно-производственная станция «Боливар»

Церера, Солнечная система

Первым делом Роланду нужно было удалить из пилотского кресла Йена Йенсена – облепленный датчиками манекен в полном боевом скафандре.

Манекен с фантастической точностью имитировал летчика со всеми присущими последнему телесными несовершенствами. Например, он умел потеть, исходить кровью через нос, уши и горло, закатывать глазные яблоки от избыточных перегрузок, страдать от жары, холода и жесткого облучения... Словом, претерпевать почти все муки, на которые обречен род человеческий несовершенством своей физиологии. С перепугу Йен Йенсен даже мог удрать из поврежденного флуттера – правда, если запрос на катапультирование подтверждался руководителем испытательных полетов.

Удалить Йена Йенсена вручную было не так-то просто.

Вместе со скафандром манекен весил бы на Земле сто двадцать килограммов. К счастью, искусственная тяжесть на «Боливаре» в целях экономии энергии эмулировалась «ночью» только в размере 0,4 g. «Днем» ее доводили до честной единицы, чтобы мышцы, а вместе с ними кровообращение и мозги сотрудников не атрофировались окончательно.

Поскольку стояла глубокая «ночь», искусственный пилот Йен Йенсен сейчас тянул всего лишь на полцентнера.

Но и этого для чуждого физической культуре конструктора было немало!

Требовалось: открыть боковой люк, опустить Йена Йенсена вместе с пилотским креслом на уровень комингса, освободить болвана от блокировки, выдрать тридцать разъемов контрольной аппаратуры, завалить манекен набок и по возможности тихо уронить его на пол подшахтного ангара.

«По возможности тихо» произошло с таким грохотом, что Роланд едва не оглох. Вдобавок Йен Йенсен, падая, больно ударил конструктора по колену.

Конечно, звукоизоляция всей шахты, в том числе и ее крошечного ангара, была сработана на совесть. Но в тот миг Роланд не думал об этом. Напуганный громовым падением Йена Йенсена, он отскочил в сторону, спрятался за фермой пусковой катапульты и провел несколько пренеприятных минут, настороженно поводя стволом пистолета из стороны в сторону.

Все было спокойно. Только просеменила вдоль дальней стены чета вездесущих крыс.

Роланд шумно выдохнул и вернул «ЗИГ-Зауэр» за пазуху.

Пункт «В» был выполнен. (Пункт «А» – проникновение в шахту – и подавно.) Можно было переходить к пункту «С». Всего в плане побега, который Роланд заучил как «Отче наш», было восемь пунктов – до «Н» включительно.

Он в последний раз спросил себя, не стоит ли раздеть манекен и облачиться в его скафандр. И в последний раз ответил себе: нет. Скафандр имеет смысл только в двух случаях: при разгерметизации кабины истребителя и при катапультировании в открытом космосе.

Катапультироваться в ледяном безмолвии – верное и быстрое фиаско плана. Либо по истечении двенадцати часов он умрет от удушья, либо его подберет корпоративный патруль, и это будет хуже смерти.

Разгерметизация кабины – тоже фиаско, поскольку после этого невозможно выполнить пункт «Н», то есть совершить посадку на планету с подходящей атмосферой.

Другие планеты его, увы, не устраивали. «Отсутствие атмосферы не очень удобно для жизни», – со скандинавской тяжеловесностью иронизировал Роланд.

Таким образом, скафандр для него был только лишней обузой. Роланд забыл о Йене Йенсене и со спокойным сердцем перешел к пункту «С» – тщательному осмотру истребителя и стартовой катапульты.

Все было в норме. Как он и рассчитывал. Система была запитана и готова в любой момент обеспечить испытательный вылет «Дюрандаля». Однако...

Проклятие, этого только не хватало!

Подфюзеляжные пилоны истребителя были пусты.

Роланд выскочил из ангара и направился на оперативный склад. Так и есть: оба химических ускорителя, которым следовало находиться на подфюзеляжных пилонах, преспокойно лежали в обойме погрузочной тележки.

Впрочем, это он мог бы предвидеть сразу. Кто же станет подключать ускорители, на ночь-то глядя? Их собирались подвесить непосредственно перед стартом истребителя. Для обученной команды техников это дело пяти минут...

А для него?..

Роланд постарался отогнать эту мысль прочь. Отчаиваться нельзя. Чем раньше он начнет, тем быстрее закончит. Он включил тележку и, направляя ее крошечным стиком на пульте управления, повез ускорители в ангар.

По дороге, не будучи до конца уверен в своих талантах рядового техника, Роланд принялся лихорадочно соображать, нельзя ли обойтись без подвески ускорителей.

«Включаются на пятой секунде... работают в течение сорока секунд... обеспечивают выход в стратосферу... тем временем „теплый“ режим маршевых двигателей сменяется „горячим“... Истребитель сбрасывает ускорители и переходит на маршевые... А зачем они вообще сейчас нужны?!»

Но тут же возразил сам себе: «И все-таки, хотя сила тяготения здесь слабая и атмосферы нет, ускорители необходимы. Вся загвоздка в этой чертовой автоматике. Если истребитель во время предстартовой самодиагностики не обнаружит ускорителей, автопилот откажется в этих условиях выполнить программу „Взлет“. Выходит, хотя ускорители, исходя из местных физических условий, вовсе не обязательны, они *должны* быть, потому что на них рассчитана программа испытаний!»

Итак, одно из двух: либо он возится с транспортером и подвешивает ускорители, либо должен взлетать на ручном управлении. А ведь в пилотировании флуггеров он лишь жалкая посредственность. О-ля-ля...

Тем временем Роланд привел тележку с парой ускорителей в ангар и собрался уже...

Он вздрогнул. В малом шахтном стволе заныли сервоприводы лифта.

В подземный стартовый комплекс кто-то спускался. Это могла быть погоня, и только она!

«Быстро же они хватились, – удивляясь собственному спокойствию, подумал Роланд. – Неужели какого-то служаку черт дернул прямо среди ночи сесть пересматривать протоколы „Диотимы“?»

Дело запахло непредусмотренным в его плане пунктом «Капут».

Закреть и заблокировать двери ангара изнутри он не мог. Однако, чтобы хоть как-то задержать преследователей, Роланд развернул поперек прохода тележку с ускорителями и дважды выстрелил из своего эпического пистолета в пульт управления.

Посыпались искры. Из развороченного пульта потек сладковатый, нежеланный, пугающе густой дымок.

Только пожара ему здесь не хватало. Прямо под взрывоопасными ускорителями! Видит Бог, он был беглецом, но не диверсантом!

И хотя лифт неуклонно приближался, Роланд все-таки потратил несколько драгоценных мгновений на то, чтобы сорвать со стены огнетушитель и вогнать струю пиродепрессанта в тлеющую панель управления.

Затем он в лихорадочной спешке отщелкнул фиксаторы пилотского сиденья и откинул его вверх, как крышку люка. Там, под сиденьем, находилась небольшая багажная полость, в которой по боевому расписанию должен был находиться пилотский НЗ: шоколад, кофе, сублимированная говядина, сигнальные средства, аптечка, легкое оружие и тому подобное.

Сейчас в коробке НЗ лежал мешок с песком – балластный эквивалент. Или, как шутили техники, «растворимый кофе господина Йена Йенсена».

Роланд выбросил балластный эквивалент и положил вместо него свой рюкзак.

Опустил сиденье на место и защелкнул фиксаторы.

Краем уха услышал, что лифт достиг уровня подшахтного ангара. Двери открылись. Сейчас коридор наполнится топотом ног и криками охранников...

Роланд сел в пилотское кресло.

Дернул рычаг подъемного устройства.

Кресло поползло вверх. Одновременно с этим вернулась в глубокие пазы герметичная плита бортового люка.

Кресло достигло верхней точки и остановилось. Роланд оказался в прозрачном бронеколпаке пилотской кабины, обеспечивающем превосходный обзор по всем сторонам горизонта.

Если перевести официальный язык технических заданий на обычный человеческий язык, главное требование к современному истребителю будет звучать очень просто: пилотирование исправной машины должно быть по силам семилетнему ребенку. Из этого исходили даже разработчики легендарного «Беркута», что уж говорить о новейших моделях!

Пилотировать исправный «Дюрандаль», пожалуй, смог бы и младенец – благодаря дружеской системе с четырехкратным резервированием каналов управления, генеральным контуром маневренности и автоматическим дифференциалом режимов полета (стратосферные, атмосферные, низковысотные, безвоздушные и «пыльные»).

Кроме этого, автопилот имел богатый набор программ для оптимального выполнения типовых маневров: взлет, посадка, сближение с космическим объектом, облет объекта и так далее.

Управление автопилотом было реализовано через простой и надежный интерфейс, проектируемый либо на лобовое стекло истребителя, либо на очки летного шлема – по выбору. Альтернативный путь общения с автопилотом вообще умилял своей добротной допотопностью: блок кнопок на панели управления. «Взлет», «Посадка», «Атака», «Отрыв», «ПЗМ»...

«Что такое ПЗМ? Что такое ПЗМ?» – не ко времени озаботился Роланд, которого на самом деле сейчас должна была заботить пробивная сила оружия корпоративной охраны.

«Противозенитный маневр!» – вспомнил он. И сразу почувствовал себя лучше.

Роланд активировал все бортсистемы истребителя и нажал кнопку «Взлет».

Увы, относительно роковой роли неподвешенных ускорителей он не ошибался. Вместо того, чтобы отдать команды механизмам управления катапульты и поставить на прогрев двигатели, автопилот подсветил красным пустые подфюзеляжные пилоны на оптической карте-схеме истребителя. Тем самым автопилот лаконично напомнил Роланду, что в таких свинских условиях работать наотрез отказывается.

Боясь увидеть самое худшее, конструктор повернул голову налево – туда, где расстрелянная им из пистолета погрузочная тележка перегораживала вход в подшахтный ангар.

Вместо макушек десяти охранников из-за обоймы с ускорителями виднелся лишь жидкий седой хохолок.

Роланд пригляделся.

В этот момент человек, медлящий перед тележкой, наконец решился преодолеть препятствие самым что ни на есть варварским способом.

Седой хохолок исчез, а спустя полминуты появился из-под тележки уже со стороны ангара.

«Да ведь это же Станислав Пес! – оторопел Роланд. – Но откуда?..»

– Некогда ляды точить. Даст Бог взлететь – все расскажу, – в который уже раз пообещал пан Станислав, когда они, обливаясь потом и матерясь, при помощи ручных домкратов подвешивали второй ускоритель.

Чтобы подтянуть обесточенную тележку к истребителю, пришлось на ходу симпровизировать буксир из электролебедки и двух блоков. Учитывая обстоятельства, можно было сказать, что работа спорилась.

За это время коллега, хоть и не был расположен «точить ляды», рассказал Роланду главное.

О том, что творец «Дюрандаля» мечтает бежать с Цереры и в качестве средства побега изберет свое смертоносное детище, пан Станислав заподозрил почти сразу. Его подозрения усилились, когда Роланд недавно обсуждал с ним возможности современных трансляторов модели «Сигурд».

В самом деле, зачем может потребоваться «Сигурд» на Церере? С крысами ляды точить?

Другое дело – безбрежные парсеки приграничных звездных поясов. Там без «Сигурда» никак нельзя.

Так пан Станислав вычислил, что Эстерсон намерен бежать прочь из Сферы Великорасы, как иногда помпезно называли политики правого толка совокупную зону колонизации Конкордии и Объединенных Наций.

А когда Роланд вскользь упомянул, что к «Сигурду» начали выпускать апдейты для общения с разумными негуманоидами, пан Станислав, пораскинув мозгами, определил и конечный пункт назначения Эстерсона.

Эстерсону оставалось лишь обескураженно развести руками и признать, что конспиратор из него никудышный.

«После этого передо мной стояла только одна принципиальная трудность: решиться последовать за вами. Остальное было уже просто», – заверил пан Станислав.

Ничего простого в том, чтобы получить доступ в шахту № 8, Эстерсон не видел. Также совершенно непрозрачным оставалось, каким образом пан Станислав определил точное время его побега.

Однако Эстерсону сейчас было не до контрразведывательных упражнений в логике. Без помощи пана Станислава он едва ли смог бы подвесить ускорители и, не исключено, потерял бы последний шанс покинуть шахту. Этим однозначно подтверждалось, что пан Станислав не работает в охране «Дитерхази и Родригес».

Выходит, старый поляк решил на старости лет повидать что-нибудь поинтереснее блеклых интерьеров «Боливара»? Что ж, Эстерсону охотно верилось в это.

Когда техника перестает капризничать, она начинает творить чудеса. И чудо свершилось. Команда «Взлет» прошла.

Загудела катапульта, приходя в плавное движение сразу по трем степеням свободы. Ее постамент пополз вверх, а телескопические направляющие поднялись вертикально и удлинились до половины высоты шахты.

Одновременно с этим под катапультий закрылась диафрагма нижнего створа. Шахта, в которой вздыбился на катапульте «Дюрандаль», теперь была отделена от внешнего мира двумя герметичными препонами.

Это продлилось всего несколько секунд, в ходе которых «Дюрандаль» и пусковая система завершали взаимное тестирование. У автопилота улучшилось настроение, и он подмигнул Эстерсону полусотней зеленых светодиодов.

Открылась диафрагма верхнего створа.

Весь воздух, вплоть до самой крошечной щепотки молекул, рванулся из шахты прочь. При этом водяные пары (на «Боливаре» предпочитали не пересушивать воздух до нуля абсолютной влажности) молниеносно кристаллизовались. Мимо «Дюрандаля» пронесся едва заметный призрак снежной вьюги.

Этот знак, словно бы посланный прямиком из далекой, милой Швеции, обнадежил Эстерсона.

– Легкого старта, пан Станислав!

– Легкого старта, герр Эстерсон! – отозвался поляк по переговорному устройству.

«Щелк!» – не услышал, а скорее всем телом ощутил Эстерсон.

Мощное электромагнитное поле швырнуло стартовую тележку с закрепленным на ней истребителем вверх по направляющей.

Удар о стопор. Истребитель сорвался от тележки и свечой пошел навстречу ярким звездам, которые здесь были так близки!

Перегрузки ощутимые, но не смертельные.

На экране заднего обзора уменьшались постройки надземной части комплекса «Боливар»: ровное плато космодрома, мачты навигационных маяков, разрисованные красно-желтой чересполосицей железные стены радаров, невзрачные, почти сливающиеся с темно-серой поверхностью астероида кубики... Что это, кстати, такое?

Под фюзеляжем вспыхнули два оранжевых факела – заработали ускорители. Начались настоящие перегрузки.

«Матка боска ченстоховска», – прохрипел пан Станислав.

Ему приходилось хуже, чем Эстерсону. Он ведь не сидел в амортизированном кресле пилота, а лежал в узком лазе, ведущем к спасательно-стыковочному кессону – единственном свободном и притом обогреваемом отсеке истребителя за исключением пилотской кабины.

Поскольку полет пока что проходил в полностью автоматическом режиме, Эстерсону оставалось лишь глазеть на показания радаров и пялиться в экраны сферического обзора.

Вдруг в размеренный, не сулящий никаких опасностей поток тактической информации на лобовой поверхности бронеколпака, вторглась череда мерцающих предупреждений:

ОБЛУЧЕНИЕ ПОИСКОВЫМИ РАДАРАМИ
УГРОЗА В ЗАДНЕЙ ПОЛУСФЕРЕ
ОБЛУЧЕНИЕ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ
ЗАХВАТ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ
КООРДИНАТЫ БАТАРЕИ: 18.2-10.1
ДИСТАНЦИЯ: 0.112... 0.114... 0.116...

Церера стремительно удалялась. Оптика задней полусферы с общего плана перешла на крупный. На экране появился тот участок поверхности астероида, от которого исходила главная угроза: батарея и ее радары, запеленгованные электроникой «Дюрандаля».

Эстерсон увидел, что невзрачные «кубики», которые он не смог опознать в первые секунды после взлета, теперь полностью преобразились. Маскировочные панели разошлись в стороны, открыв башни с рентгеновскими пушками. Стволы пушек споро задирались в зенит.

Выключились ускорители. Мгновение – и они полетели в стороны, отстреленные пиропатронами.

Некоторое время ускорители будут по инерции сопровождать «Дюрандаль» на параллельных курсах, а потом станут добычей слабого, но все же доминирующего в этой точке про-

странства тяготения Цереры. Завтра-послезавтра их заберет с орбиты медлительный мусорщик «Ротанга».

Стоило выгоревшим ускорителям покинуть подфюзеляжные пилоны, как запустились маршевые двигатели.

План побега благополучно миновал пункт «Е» – старт, первичный разгон, сброс ускорителей.

Тотчас же Эстерсон, издав победный вопль, включил генераторы щита. Стоило батарее открыть огонь несколькими секундами раньше – и их с Песом полет, продлившись около одной минуты, мог закончиться красивым фейерверком. А завтра-послезавтра куски истребителя и две обугленные тушки выдающихся инженеров современности забрала бы с орбиты все та же «Ротанга».

Тут-то пушки и заговорили.

Истребитель сейчас представлял собой идеальную мишень: только начав набирать крейсерскую скорость, он летел по прямой, не совершая никаких маневров.

Чтобы уйти с дальности синхронного выстрела, ему требовалось еще некоторое время. Которое, разумеется, пушки «Боливара» использовали на полную катушку.

Это была неслышимая, но ожесточенная канонада. Импульсы работающих в рентгеновском диапазоне лазеров один за другим достигали щита, формируемого генераторами истребителя, рассеивались, теряли энергию и, на мгновение обращаясь видимыми глазом яркими вспышками при переходе в оптический диапазон, бесследно исчезали.

Все новые и новые очереди по пять – десять сверхкоротких импульсов исступленно хлестали по щиту. Никакого эффекта, если не считать яркой иллюминации за хвостом «Дюрандаля»!

В бессильной ярости пушки ударили по двум отставшим от «Дюрандаля» отработанным ускорителям и мгновенно выбили из них две белые туманности железного пара. Может быть, служба батареи просто отказывалась верить, что с их пушками все в порядке?! Ведь истребитель с бортовым генератором щита считался машиной баснословной, невероятной!

Когда «Дюрандаль» наконец ушел с дальности синхронного выстрела, Эстерсон немедленно заказал автопилоту несколько противозенитных маневров и выпустил в разные стороны три универсальных симулятора, так называемых электронных фантома, специально предназначенных для того, чтобы сбивать с толку противокосмическую оборону противника.

Затем он перевел машину на ручное управление, резко изменил курс и повел «Дюрандаль» в высчитанную заранее зону поиска магистрального контейнеровоза «Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэруламский».

Впрочем, о том, что контейнеровоз носит столь гордое имя и такой звучный титул, Эстерсон и не догадывался.

– Ну-с, куда мы теперь направляемся? – бодро осведомился по переговорнику пан Станислав.

– Как вы там? Не мерзнете? – ответил вопросом на вопрос Эстерсон.

– Честно говоря, холод просто адский. И воняет горелым. Однако я ведь имею честь общаться с создателем этой чудесной машины. Поэтому скажу так: мерзну, но не очень.

Эстерсон был отделен от пана Станислава спинкой кресла и герметичным люком с несколькими слоями теплоизоляции. В пилотской кабине микроклимат не вызывал нареканий – плюс двадцать градусов при приятном сочетании полного безветрия и свежего воздуха с бодрящим ароматом апельсина.

– Могу вас ободрить. По моим расчетам, через полчаса вы будете в тепле. Правда, ради этого придется прибегнуть к насилию.

– Какой ужас! – притворно возмутился пан Станислав. – Надеюсь, нам не придется бить людей по лицу?

– Надеюсь. – Роланд ответил серьезно, иронию в голосе своего товарища он не уловил.

– Дружище, – пан Станислав тоже посерьезнел, – откровенно признаться, я отдаю себе отчет, что, угнав истребитель, мы с вами заработали себе на пожизненное заключение. И вовсе не в секретных лабораториях «Боливара», где по крайней мере мы могли бы бороться со скукой, решая очередные инженерные головоломки, а в самой настоящей тюрьме. Таким образом, на карту фактически поставлены наши жизни – прозябание в тюрьме я жизнью назвать никак не могу. Ради того, чтобы сохранить свободу, я готов не только бить морды и ломать пальцы, но и убивать.

Роланд помолчал.

– Не могу сказать, что это отвечает моему воспитанию, – наконец сказал он. – Но по крайней мере вы честны с самим собой. Вероятно, и я в глубине души согласился уже с тем, что ради спасения своей шкуры иногда надо продырявить чужую.

– Вот и пистолет сообразили, – ввернул пан Станислав.

– Именно... Кстати, я же так и не ответил на ваш вопрос. Сейчас мы ищем один космический корабль, стартовавший с Цереры за несколько минут до того, как я вошел в шахту номер восемь. К сожалению, из-за этих проклятых ускорителей мы потеряли драгоценное время. Я беспокоюсь, как бы наш красавец не ушел из Солнечной системы по Х-матрице раньше, чем мы его настигнем.

– Что за красавец?

– Контейнеровоз. Вы не обратили внимание, что пятого и двадцатого числа каждого месяца в закрытую зону космодрома прибывает какой-то корабль? Очень тяжелый корабль, магистральный звездолет.

– Признаться, не замечал. Тем более не обратил внимания на даты. Тут много чего шастает...

– Да. Но подавляющее большинство кораблей – это локальные транспорты, курсирующие по маршруту Земля – Марс – Церера. Иногда и просто флуггеры. Например, военно-транспортным «Андромедам», точнее, их спецмодификации Transplanet Cargo II, хватает дальности, чтобы прилетать на Цереру с Марса. А магистральные звездолеты на Цереру обычно не гоняют. По понятным причинам: нерентабельно. Кроме того контейнеровоза, за которым мы сейчас гонимся.

– Ну-ну. А как же все-таки вам удалось его вычислить? Ну, о сравнительно близком выходе звездолета из Х-матрицы, вы, положим, могли заподозрить по солитону Бруно-Левашова... Могли... Но чем вы его поймали?..

Пан Станислав принялся азартно рассуждать вслух:

– Специальных военных детекторов у вас не было... Кто бы вам их дал?.. И зачем?.. Ставить такие вещи на «Дюрандаль» слишком дорого, да и вряд ли истребитель потянет...

Своим маленьким ноу-хау Эстерсон очень гордился. И, замыслив побег, печалился, что ему не с кем поделиться этой интеллектуальной вкусятинкой. Но теперь, к счастью, у него был благодарный слушатель!

– Тепло, благородный пан, тепло, – весело отозвался Эстерсон. – Детекторов Бруно-Левашова на «Дюрандале» нет. А что же есть такое, чего раньше не было?

– Генератор счита. Но при чем здесь генератор?! Кстати, «благородный пан» у нас не говорят и не говорили. «Ясновельможный» – другое дело.

– Yasnovelmozhnyj? – переспросил Эстерсон. – Звучит как фамилия какого-нибудь русского фельдмаршала времен диктатора Сталина. Попробуй выговори!

– Не важно, не важно. Так при чем здесь генератор счита?

– А вот при чем. На время стендовых испытаний генератора фирма передала моим филдерам баснословно дорогой, ультрасовременный агрегат, которым меряют напряженность, вихревые возмущения и мерцание защитного поля.

– Пэ кю эф двенадцатый?

– Именно.

– И что толку?

– Чувствительность у этой модели грандиозная! Если вы уберете из него фильтр высокого шума и будете мерить мерцание защитного поля, вам удастся зарегистрировать волну возмущений вакуума, возникающих при выходе корабля из Х-матрицы! То есть, как вы академично выразились, солитон Бруно-Левашова. Более того: произведя несколько замеров, вам удастся установить не только сам факт выхода корабля из Х-матрицы, но и координаты его рематериализации! С кое-какими погрешностями, конечно.

– А ведь правда... Но для этого нужно было знать, *что* искать!

– Что искать, я определил по косвенным признакам. Меня давно интересовало, почему в нашем секторе по пятым и двадцатым числам под предлогом профилактики отключают главную энергомагистраль и заставляют нас пользоваться какими-то несчастными «ночниками» на термобатареях. Ведь из-за этих «профилактик» тормозились все серьезные монтажные работы по моему проекту! В один из таких дней, когда уже все разошлись на отдых, мне показалось, что я расслышал далекий подземный гул. Я сопоставил отключения энергии с этим гулом и пришел к выводу, что в нескольких километрах от нас работает огромный грузовой терминал. Собственно, удивляться нечему: про новейший сверхсекретный завод, выстроенный под боком у «Боливара», все мы краем уха что-то слышали. Хоть он и сверхсекретный, а шила в мешке не утаишь. Легко предположить, что терминал рассчитан на прием больших объемов сырья с транспортных кораблей.

– И не просто на прием, а на параллельную первичную обработку этого сырья! Вы гений, Эстерсон! Поверьте, я разбираюсь в современной компрессионной металлургии: для этого требуется колоссальная энергия! Разумеется, с отбором энергии у «Боливара» наши хозяева готовы были мириться как с неизбежным злом до ввода в строй дополнительных реакторов!

– Да-да, я так и решил. Потом я прикинул, что новый завод должен быть ориентирован не только на военные флуггеры, но и на бронеплиты для боевых кораблей, а это означает «поддувную» полисталь. Ну а дешевую руду для полистали у нас в Солнечной системе разве добудешь? Значит, ее надо ввозить из колоний Тремезианского пояса! А это неближний свет, туда только магистральные звездолеты и летают.

– Ловко... Вы, Эстерсон, с вашими аналитическими способностями, здорово подсобили бы не одной вражеской разведке, – хмыкнул пан Станислав.

– Если бы вражеские разведки знали о моем существовании – вероятно, да. В общем, эти «профилактики» навели меня на гипотезу о звездолете, а проверить ее и определить координаты местной зоны входа-выхода Х-матрицы мне удалось при помощи пэ кю эф двенадцатого. Знали бы наши хозяева, *что* я ищу при помощи их аппаратуры!..

– А вот, кстати, и наш красавец, – пробормотал Эстерсон, прервав свои словоизлияния. Он не верил глазам своим.

Все-таки не ошибся. А ведь шансы были, откровенно признаться, невелики!..

– Звездолет?! Магистральный?!

Эстерсон подобрался. Пункт «F»! Ближайшие события определяют успех всей операции...

– Да. Господин Пес, прошу беспрекословно подчиняться моим приказам. Как только мы попадем на борт корабля, вы должны во всем поддерживать меня, что бы я ни делал.

Отец «Дюрандаля» нарочно употребил предельно официальное обращение «господин», чтобы показать своему спутнику: о либерализме предстоит на время забыть.

Полное название контейнеровоза – «Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэруламский» – было настолько длинно, что даже экипаж в составе пяти человек предпочитал называть его просто «Бэкон». Что уж говорить об Эстерсоне, который начал радиопереговоры с вычитанного в романах морского окрика «Эй там, на „Бэконе“!»

Почти сразу ему ответил капитан, Гарольд Фрин.

Эстерсон представился командиром корпоративного патруля. Потребовал досмотра судна. В случае неповиновения пообещал применить силу.

Фрин, конечно же, был опытным капитаном и знал инструкции назубок. Он попытался связаться с «Боливаром» и запросить подтверждение полномочий патруля в этом секторе.

Ничего не вышло. Эстерсон был готов к такому повороту событий.

Станция прицельной постановки помех, которой был оборудован «Дюрандаль», забила оглушительным треском гражданский диапазон связи. А на других диапазонах передатчики «Бэкона» не работали – все-таки это был всего лишь контейнеровоз, а не линкор, нашпигованный электроникой на все случаи жизни.

Единственной данью военной моде в гражданском судостроении последних лет была установленная на контейнеровозе в процессе модернизации четырехствольная башня ближней обороны. Превосходно различимая визуально, она горбатилась прямо над ходовой рубкой.

Как мог видеть Эстерсон, ее стволы находились в походном положении – вдоль главной оси корабля. Это означало, что у экипажа «Фрэнсиса Бэкона» пока что нет серьезных подозрений и он не намерен встретить «Дюрандаль» огнем. Но на всякий случай Эстерсон приказал подсистеме автономного сопровождения целей захватить башню. Если экипаж признает в нем пирата и отважится на самооборону, все вооружение «Бэкона» можно будет уничтожить одним движением пальца.

Эстерсон повторил свои требования.

Фрин посетовал на аппаратуру. На «Бэконе», мол, сейчас устойчиво работает только ближняя КВ-связь, дальняя не способна пробиться сквозь помехи.

Эстерсон «не поверил» и с нескрываемым раздражением начал настаивать на досмотре. Дескать, заpiresательство капитана может только усугубить его вину, если на борту контейнеровоза будет обнаружен разыскиваемый беглец, особо опасный преступник Роланд Эстерсон.

Вот тут-то Фрин наконец поверил. Да, сказал он, двадцать минут назад «Боливар» прислал ориентировку на этого господина. Но никакого бегльца...

Никаких «но» – таково было последнее слово Эстерсона.

«Бэкон» капитулировал и услужливо предоставил «Дюрандалю» стыковочный шлюз по левому борту.

Спустя десять минут задубевший Станислав Пес и Роланд Эстерсон, до судорог в пальцах сжимающий «ЗИГ-Зауэр», покинули шлюз и оказались внутри «Бэкона».

Безразличие на лице вышедшего их встречать старпома быстро сменилось испугом – ему в грудь смотрел черный зрак пистолета неизвестной модели. Старпом остолбенел. Он даже и не вспомнил о том, что у него в кобуре тоже есть пистолет, несравнимо более мощный.

Пока Эстерсон держал на прицеле своего почти земляка – этот звездолетчик был родом из Норвегии и звали его Хакон Хальфин – Станислав Пес разоружил старпома. Из кобуры Хальфина был извлечен «Colt Mk600» – излюбленное оружие старших офицеров как военного, так и гражданского флота.

Станислав Пес уверенно проверил боезаряд кольта и снял его с предохранителя. В тот момент Эстерсон не обратил внимания на завидный профессионализм инженера в обращении с офицерским оружием.

– Да-да, это пиратское нападение, – ухмыльнулся Эстерсон. – Или, если вам по душе более обтекаемые формулировки, чрезвычайный фрахт коммерческого судна в личных целях.

Пока что мы не располагаем возможностями оплатить ваши услуги по установленным тарифам. Но если вы будете вести себя хорошо, мы сохраним вам жизнь, а это довольно высокая плата. Вы согласны со мной? Повторяю: вы согласны?!

– Да, – борясь с дрожью в коленях, кивнул Хальфин.

– Отлично. Ведите нас к капитану. И не дергайтесь: мы будем стрелять без предупреждения. Первый раз я гуманно попытаюсь попасть вам в плечо, но могу промахнуться и продырявить сердце.

– Следуйте... за мной.

Поначалу все шло как по маслу.

Эстерсон поражался сам себе: в нем, оказывается, все эти годы погибали таланты террориста, налетчика, пирата.

Капитан Фрин и еще два находившихся в ходовой рубке члена экипажа сразу же согласились на любые условия, лишь бы Эстерсон и Пес не превратили их в решето. Пятый звездолетчик, по уверениям капитана, сейчас спал в своей каюте.

Эстерсон и Пес заперли всех заложников, кроме капитана, во втором стыковочном шлюзе. Там было холодно, но, конечно, теплее, чем за бортом.

Гуманный Эстерсон пообещал, что, покончив с главными делами, подбросит им теплых вещичек. А немилосердный Пес проворчал, что ничего с ними не станется – потерпят. Ведь терпел же он кессоне «Дюрандаля»!

Потом Эстерсон и Пес взяли капитана на мушку и отправились за пятым членом экипажа. Увы, суперкарго Виолетту Буффож в ее каюте обнаружить не удалось.

– Какие будут мысли? – поинтересовался Эстерсон у Фрина. – Учтите, капитан, мы не позволим ей так вот запросто разгуливать по захваченному нами кораблю. Прошу вас немедленно признаться, куда делась Виолетта.

– Понятия не имею, – надменно задрал подбородок Фрин. – Я не шпионю за своим экипажем. Сразу же после окончания разгрузки суперкарго отправилась спать. Если ей вдруг вздумалось прогуляться по кораблю – имеет право.

– Я вам не верю, – сказал вдруг Пес очень неприятным тоном, какого раньше Эстерсон никогда за поляком не замечал. – Скорее всего либо вы, либо старпом Хальфин успели связаться с ней заранее условленным образом. Ведь у вас наверняка отработаны кое-какие банальные приемчики на случай пиратских нападений! Давайте сделаем так: я прострелю вам ногу, а вы подумаете, не лучше ли выдать нам местоположение суперкарго?

Фрин побелел. Но ответил твердо:

– Вряд ли это поможет мне узнать то, чего я не знаю.

– А вот мы сейчас проверим... – процедил Пес.

Тут Эстерсон, не ожидавший от поляка такой прыти, наконец опомнился:

– Отставить, коллега. Я верю капитану. Сделаем по-другому. Устроим засаду в каюте суперкарго. Вы останетесь здесь. Если она появится – цивилизованно, повторяю, цивилизованно возьмите ее в плен. А вы, капитан, проведите меня по всем жилым помещениям корабля. Коллега, встретимся здесь, в каюте. Если меня не будет в течение... – Эстерсон оценил размеры корабля, – ...в течение получаса, идите в ходовую рубку и уводите звездолет в сектор Оранжевого Бакена, что в Тремезианском поясе. Координаты найдете среди общих навигационных таблиц. Вы запомнили: Оранжевый Бакен?

– Слушаюсь, господин Эс... коллега, – сказал Пес своим прежним, шутливо-расслабленным говорком.

«Что за демон проснулся в тишайшем поляке? Нельзя же, в самом деле, дробить людям ноги, когда тебе заблагорассудится?» – беспокоился Эстерсон, ведя капитана по коридору жилого отсека.

Перед побегом Эстерсон изучил все серийные типы магистральных контейнеровозов Объединенных Наций. И теперь отметил, что «Фрэнсис Бэкон» недаром относился к самому престижному, так сказать «люксовому» типу.

Каждый член экипажа располагал на борту контейнеровоза своей собственной одноместной каютой с душевой кабиной, а капитан – целыми апартаментами. Также имелись общая столовая, оранжерея и кают-компания для совместных увеселений: Холовидения, объемного бильярда, ленивого флирта.

Эстерсон и Фрин проверяли помещение за помещением. Никого!

Оставалось осмотреть грузовой отсек. Поблуждав там минут десять по мостикам между пустыми транспортными модулями, Эстерсон и его пленник собирались уже перейти в зону маршевых двигателей, когда под потолком замигали красные лампы. Дребезжащий синтетический голос предложил экипажу подготовиться к переходу по Х-матрице.

Эстерсон бросил взгляд на вмонтированные в «Сигурд» часы.

– Что за черт? Куда он гонит? – вслух спросил он, имея в виду Песа, который явно торопил события. Они же договорились начать переход к Оранжевому Бакену не ранее чем через полчаса!

Фрин только и ждал, когда Эстерсон утратит бдительность. Левой рукой он схватился за ствол «ЗИГ-Зауэра» и отвел его в сторону, а правой изо всех сил ударил Эстерсона в челюсть.

Инженер потерял равновесие и упал на спину, но пистолета, как рассчитывал Фрин, не выпустил. Более того – ствол «ЗИГ-Зауэра» выскользнул из ладони капитана и Эстерсон вернул себе свободу выбора: стрелять в драчуна или в потолок.

Однако Фрин не стал проверять, что же предпочтет опасный преступник Роланд Эстерсон, и бросился наутек.

Рука у капитана была тяжелая. Отнюдь не с первой попытки поднявшись на ноги, Эстерсон несколько раз выстрелил Фрину вслед.

Стрелял он для острастки – тот уже скрылся в лабиринте транспортных модулей. Да и не было у Эстерсона ни малейшего желания убивать отважного беглеца. Броситься с голыми руками на пистолет – на это не каждому достанет духу!

Гоняться за капитаном Эстерсону не очень-то хотелось. Вдобавок Фрина он начал побаиваться – даже безоружного.

Пора было убираться из Солнечной системы и притом как можно скорее. Надежды полностью изолировать экипаж «Бэкона» таяли, каждая минута промедления могла поставить крест на его планах.

Эстерсон, подгоняемый красными сполохами, бросился на ходовой мостик.

Каково же было его удивление, когда вместо Песа он застал в кресле первого навигатора черноволосую красотку! Если оставить без внимания фольклор звездолетчиков о «пустотных ведьмах» и прочей космической чертовщине, следовало признать, что перед ним – суперкарго Виолетта Буффож собственной персоной!

– Встать, руки за голову! – скомандовал Эстерсон.

– Это еще что за мужлан? – пробормотала Виолетта, разговаривая как бы сама с собой и полностью игнорируя требование беглого конструктора. – Наверное, один из тех негодяев, за которыми сюда примчалась целая флотилия с «Боливара»?

– Какая еще флотилия? – опешил Эстерсон.

– Сами посмотрите.

Эстерсон послушно уставился на экран.

Нет, только не это! Четыре истребителя и четыре штурмовых флутгера специального назначения «Фаланга» на полной скорости приближались к звездолету.

– Это корпоративная охрана «Дитерхази и Родригес», – прокомментировала Виолетта, не прекращая манипуляций на приборных досках. – Церемониться они не будут. Если даже не

разнесут с перепугу «Бэкон» из пушек – немногим легче. Штурмовые флуггеры прилепят прямо к корпусу корабля, прожгут дыры в обшивке и первым делом пустят газ. Если вы готовы к такому обороту событий, вы должны быть также готовы к перестрелке с отборными...

– Ясно, – нервно перебил девушку Эстерсон. – Объясните мне, что вы сейчас делаете?

– Я хочу увести корабль подальше от этой своры. Желательно – в Тремезианский пояс.

– Почему? В ваших интересах дожидаться, когда головорезы концерна поджарят меня при помощи импульсных огнеметов.

– А вот здесь вы ошибаетесь. Во-первых, за компанию с вами они запросто могут поджарить и кого-нибудь из экипажа «Бэкона». Например, меня. А во-вторых...

– Логично, – снова перебил Эстерсон. – Значит, так: пояс – это правильно. Только ни в коем случае не задавайте координат стандартных зон входа-выхода. Задайте Оранжевый Бакен!

– Вы не дослушали «во-вторых», которое для меня важнее, чем «во-первых». И не перебивайте, милейший! Дело в том, что на Каталине меня ждет жених. День свадьбы уже назначен, приглашения разосланы по всем небесам и весям. Если нас задержат здесь для расследования – прости-прощай мой Антонио. Он парень ревнивый, моих объяснений даже слушать не станет. Тем более что инцидент с захватом «Бэкона» концерн обязательно засекретит. С точки зрения Антонио получится, что я провела пару недель в койке с каким-то неведомым церерианским любовником, а не в лапах у корпоративных и государственных дознавателей.

«У девицы нервы еще крепче, чем у капитана Фрина», – уважительно подумал Эстерсон, краем глаза наблюдая, как растет на экранах восьмерка флуггеров, летящих по их с Песом души.

– Так вот, – продолжала Виолетта, – Оранжевый Бакен не может быть местом вашего конечного назначения. Там нет ни одной обитаемой планеты. Значит, от Бакена вы намерены прыгнуть еще куда-нибудь. Отвечайте: куда?

– Вам повезло, что вы женщина. Иначе я с вами не стал бы церемониться, – сказал Эстерсон для поднятия авторитета. И все-таки признался: – Я хочу добраться до Фелиции.

Это было самым слабым звеном во всем плане Эстерсона. Немало часов провел он, размышляя над тем, как замести следы и скрыть конечный пункт своего назначения.

Он надеялся запутать своих преследователей, первым прыжком по Х-матрице достигнув захолустного Оранжевого Бакена. Оттуда он намеревался перелететь к Фелиции. А уже в районе Фелиции хотел запрограммировать Астропарсер корабля таким образом, чтобы тот автоматически швырнул контейнеровоз в сектор какой-нибудь обитаемой планеты Тремезианского пояса. Той же Каталины, например. Да не просто «швырнул», а при этом уничтожил во всех протоколах сведения о Х-переходе к Фелиции и обратно.

Этот утопический прожект для своего успешного свершения требовал выполнения множества веских «если».

Скажем, «если весь экипаж корабля будет надежно изолирован». Или: «если неопытному Эстерсону удастся перепрограммировать Астропарсер по своему усмотрению».

Теперь, когда по коридорам «Бэкона» бродил капитан-беглец, конструктор не видел смысла хранить название планеты в тайне.

– До Фелиции! – Виолетта лихо присвистнула. – Давайте-ка посчитаем...

– Нечего считать, вводите координаты!

– Считать очень даже нужно. Меня интересует время и расход люксогена, необходимый для двойного прыжка Церера – Фелиция – Каталина.

– Да хватит вам люксогена! На три таких прыжка хватит! Посмотрите на приборы!

– А сколько уйдет времени? Это важно... Ага, вот. Без малого сутки до Фелиции и чуть больше двух суток до Каталины. Поздравляю вас: это терпимо. Это меня устраивает. На свадьбу я успею!

– Поздравляю вас. – Эстерсон сделал ударение на «вас». – Даже обещаю полет занять двадцать суток, мы все равно полетели бы. Тут решаете не вы, а я.

– И я, – в овальном входном проеме появился Пес. – Коллега, вы не могли бы просветить меня, что творится? Где капитан? И почему я, дисциплинированный дурак, сижу под вой сирен в каюте у этой бабенки, а вы тут с ней мило чирикаете? Откуда вообще она взялась?

– Коллега, это замечательно, что вы появились. Будьте любезны, посторожите левый шлюз, пока там не объявился убежавший от меня Фрин.

– Он убежал?!

– Да. И сейчас совершит какой-нибудь каверзный подвиг. Бегите скорее!

Пес громко выматерился, но все же повиновался. Эстерсон поймал себя на мысли, что в отсутствие поляка чувствует себя спокойнее. Станный этот Пес какой-то...

– Координаты заданы. Все готово к прыжку, – доложила Виолетта.

...А потом все утонуло в вязком радужном мареве...

...Я, Роланд Эстерсон, ненавижу переходы по Х-матрице. Их и было-то всего три, и хотя каждый раз немного по-разному, в главном – одинаково. Одинаково тошнотворно.

Самое ужасное, что сознание не выключается. Можешь загодя принять снотворное или напиться вдрабадан – не поможет. Не верьте тем, кто клянется, будто ничего не запомнил во время Х-перехода. Не верьте, когда рассказывают, что кому-то помогли гашиш или водка, а кому-то патентованное джонсон-и-джонсоновское зелье «Star Dream».

Затуманенное состояние сознания – ад, а не нирвана. И если вы были столь глупы, чтобы впасть в анестетическое забытие на борту звездолета, берегитесь: в Х-матрице безжалостные законы природы окатят вашу душу ледяным протрезвляющим водопадом.

Вы встрепетесь, не понимая, где вы и почему здесь оказались.

И – если вы не религиозны – весь Х-переход проведете в догадках, когда же помешательство закончится и добрый доктор попросит санитаров снять с вас смиренную рубашку. Если же религиозны – скоротаете время в молитвах.

Но и подготовленному, ясному сознанию приходится туго. Потому что все субъективное время Х-перехода – а это отнюдь не пять минут – вы проводите в сенсорной изоляции, словно муха в янтаре. Достоверных чувств – зрения, слуха, обоняния – нет. Есть только дикий костыль псевдовосприятий, на которые пытается опереться сознание, закрученное вместе с материей корабля в информационно-энергетический пакет Х-перехода.

Кажется, будто шуршат песчинки и шумит ветер.

Кажется, будто пространство состоит из упругих нитей и огромных шершавых листьев. Их можно «пощупать», но невозможно «увидеть».

Кажется, что вы ослепли, но даже сквозь эту космическую слепоту пробиваются тревожные сполохи.

И никто не скажет – это отблески неведомых потусторонних энергий, фонарики над крыльцом Смерти или иллюзия чистой воды.

Глава 7

Как мы увидели джипсов

Май, 2621 г.

Истребитель РОК-14 «Горыныч», тактический код 1902-07 «Лепаж»

Планета Наотар, система Дромадера

Мы – на краю зоны штурмовки.

Будто бы ты три часа просидел в театре перед опущенным занавесом. А когда уже собрался уходить, занавес рухнул вместе со стенами. И ты увидел, что за время ожидания в театральную сцену успел превратиться весь твой город. И на этой сцене творится такое...

Трудно сказать, стало ли наше появление такой уж неожиданностью для джипсов. Но лично для меня то, что я увидел, было ба-а-альшим сюрпризом.

Над перерытой комбайнами равниной возвышались тучные цилиндры-домны. Одно дело – видеть их на кадрах видеосъемки, другое – воочию. Тем более что эти клятые домны действительно подросли и начали *ветвиться*.

Верхушка каждого сооружения была по периметру окружена где одним, а где двумя ярусами равнотолстых раскидистых веток. Если принять высоту надземной части подросшей домны метров в семьсот, то длина каждой ветки – с полкилометра!

Как легко догадаться, все это выглядело не совсем так, будто зазеленели безобидные старые пни.

– Говорит Кот! Всем включиться! Повторяю: всем включиться! Боевой режим «Сияние»! «Сияние», вашу мать!

В последние полтора часа в моих наушниках не звучало ничего, кроме условленных сигналов с «Асмодеев» и пары порций не столь уж настырных помех. Услышав взвинченный голос Готовцева, я вздрогнул.

– Тор на связи. – Это был Бабакулов. – Ты видел, командир? Джипсы сзади!

– Здесь Барбус. Нет контакта с «Асмодееми»! – сразу же встрял Цапко.

– Говорит Центурион. Радар сбоят. Контакта с «Асмодееми» не имею.

Только услышав голоса других пилотов, я сообразил, что надо это... того... включить радар и переговорные устройства, во!

Стоило всему железу заработать – и сразу же тактическая информация хлынула потоком.

При анализе наземной обстановки были обнаружены семнадцать домен. В воздухе же царил удивительное спокойствие.

Не сказать, чтобы истребителей-гребешков совсем уж не было. Но над всем полем боя мой бортовой радар смог обнаружить только девять штук. Два ближайших сразу же попали в захват подсистемы наведения ракет.

Станция защиты хвоста выделила еще четверку опасных объектов, вьющихся вокруг двухместных «Хагенов». Вероятно, это были те самые гребешки, которые стремительно атаковали нас перед самым Сиянием, и теперь взялись за жирненьких немцев, распознав в них легкую добычу.

– Лепаж на связи... – я прокашлялся, – ...вижу противника. Девять машин.

– Все видят! – рявкнул один из Кожемякиных. – Чего делаем-то, командир?

– Во-во, где «Асмодееи»? – поддержал его брат.

– К дьяволу «Асмодееи»! Делай как я! – приказал Готовцев.

Из-под крыла командирской машины к едва различимым вдали истребителям джипсов рванулись две ракеты.

И верно. Чего делать-то еще?

Эскадрильи «Горынычей», одна за другой, залпами облегчали подкрыльевые ракетные блоки. Авось повезет, авось каждая двадцатая ракета да разыщет свою добычу.

Выше белых треков наших «Оводов» пролегли грязно-серые дороги разрекламированных французских ракет – в игру вступили «Хагены».

Не беда, что прямо в наши боевые порядки ворвались истребители врага. Не беда, что контакта с «Асмодеями» нет, – а, возможно, нет больше и самих «Асмодеев».

Главное, что мы забрались в самое вражье логово. Мы привели ударные эскадрильи – а остальное нас не интересует. Не навалились на нас из поднебесья полсотни гребешков, не просыпались с астероидов управляемые каменные ливни – а значит, настало время «Белых воронов» и «Фульминаторов». Время броневой планирующих бомб и подвесных твердотельных пушек.

– Прямо, прямо идем! – напомнил Готовцев. – Не ломаем строй, не надеемся на «Асмодеи»! Над северным фасом зоны – полный разворот на правом вираже.

За каждой эскадрилей ударных флуггеров была закреплена своя домна. Пока мы, истребители, лавиной перли вперед, расчищая небо, колонны штурмовиков и торпедоносцев разошлись веером, выходя на свои цели.

Но что такое в современном бою «выйти на цель»? Радар видит ее, когда та еще за горизонтом. Через минуту цель попадает в когти системы захвата.

Броневая бомба называется «планирующей», но на самом деле это пузатый реактивный аппарат с собственными газовыми рулями и головкой самонаведения. С борта истребителя в головку самонаведения сливаются точные координаты цели.

Пилот может еще не видеть цели воочию, а на приборной панели уже давно горит «К пуску». После этого остается только нажать кнопку.

В каждую домну по плану намеревались всадить по восемь бомб почти одновременно. Поэтому задача усложнялась. Но ненамного.

События сорвались в галоп.

Едва-едва успеваю отметить, что по меньшей мере три гребешка удачно накрыты нашим залпом и беспомощно закувыркались в воздухе.

Одновременно с этим к ближайшим домнам рванули планирующие бомбы.

Уцелевшие истребители джипсов, станцевав между нашими ракетами головоломный танец и частью обманув головки самонаведения, а частью расстреляв их из скорострельных лазеров, рвут свечой вверх.

Снова пишит захват целей, снова бьем «Оводами». Хотя мы и сбросили скорость, все равно несемся так быстро, что джипсы уже попали в радиус действия наших пушек.

Что ж, открываем огонь и из пушек.

Один гребешок взорвался, а остальные...

Уфф-ф, остальные начинают демонстрировать обещанные чудеса пилотажа. Только что эта сатанинская пятерка перла вверх на первой космической скорости, но вот уже перевернулась через голову в залихватском сальто-мортале.

Не теряя скорости, гребешки в крутом пике обрушились на оказавшийся под ними строй «Горынычей».

Сразу же вспыхнули четыре наших машины.

И еще три!

О господи, семь первоклассных истребителей выбиты за семь секунд...

А что случилось бы, не имей мы подавляющего численного превосходства?

Тут, к счастью, начинают сказываться наработки наших штабистов. Эскадрильи «Горынычей», загодя расположенные на флангах и до этого в бою участия не принимавшие, коршунами набрасываются на джипсов из верхней полусферы.

Джипсы вышли в хвост всей нашей армаде, только-только начавшей разделяться на две группы, чтобы обойти по периметру зону штурмовки. Тут-то эта пятерка, еще даже не успевшая открыть огонь, попала под удар сорока «Горынычей» из фланговых эскадрилий.

К целям рвутся десятки «Оводов». Химерические махины инопланетного врага буквально растворяются в бурлящих звездным огнем разрывах аэрозольно-осколочных боеголовок. «Горынычи» подбавляют жару из пушек.

Этой пятерке джипсов крупно не повезло. Залеталась-засмотрелась...

Лишь одна инопланетная машина, и то как-то неуверенно пошатываясь из стороны в сторону, выходит из-под удара. Кажется, она смертельно повреждена.

Ее преследуют наши истребители из флангового прикрытия.

Что случится с недобитком? Нам плевать! Наша забота – как обстоят дела с той четверкой, которая напала на «Хагены»? И как отработали по домнам ударные флугтеры?

Мы развернулись и теперь летим на юг, пересекая зону штурмовки в обратном направлении.

Победа! Мамочка, да это же полная победа!

– Ура! – ликует Фрайман. – Виктория! «О славный час, о славный вид, еще напор – и враг бежит!»

– Это все нашими заговорами, все заговорами, – хвастается Фрол.

– Не скажем «гоп», пока не перескочим, – осаживает его брат.

Но даже скупой на эмоцию Готовцев не выдерживает:

– Разделали, как Бог черепаху...

После чего поющая душа комэска изливается в потоке однообразного, но выразительного мата.

Дюжина домен разваливается на наших глазах. Они подрублены под корень планируемыми бомбами, их сотрясают серии вторичных взрывов, некоторые исходят призрачным синим пламенем.

Вот одно из сооружений заваливается набок. Исполинские ветви, которые венцом охватывали его плоскую верхушку, падают на изуродованную комбайнами равнину. Сломанные ветви фонтанируют дымящейся ярко-алой жидкостью.

Удивительно лишь, почему эти яшмовые исполины на сей раз гибнут так скромно. Ведь во время предыдущих атак все те немногие сооружения джипсов, которые удалось уничтожить, взрывались как заправские термоядерные бомбы. А сейчас это похоже на сокрушение обычного химкомбината – зрелищно, но на Апокалипсис не тянет.

А вот «Хагенам», к сожалению, повезло куда меньше, чем ударным группам. Тяжелые истребители стали той жертвой, которая была принесена во имя успешной штурмовки. И если честно, хорошо еще, что джипсы эту жертву приняли, ведь была она, конечно же, нечаянной...

Jagdgeschwader рассеян полностью.

То тут, то там на земле пылают костры, дровишками в которых – обломки немецких красавцев. Несколько разрозненных пар «Хагенов», судя по данным радаров, были вынуждены уйти на предельно малую высоту и сейчас мчатся мимо нас вдоль восточного фаса зоны штурмовки.

Немцев жаль – они парни хоть и угрюмые, зато асы первостатейные. Одно утешает: десятка полтора черно-желто-красных полосатеньких парашютных групп виднеется на земле. А значит, многие немцы не только успели катапультироваться, но и вполне благополучно достигли спасительной тверди.

Вот за наших, российских, пилотов сердце кровью обливается: я заметил только одно катапультирование. Внизу же вообще не видно ни одного сине-бело-красного парашюта.

Нет, есть! Вот, что-то шевелится в тени огромной колонны дыма, встающей над развороченной домной. Там комбайн джипсов вминает в глину... ну точно, парашюты!.. а где же пилот?

Замечаю это не я один.

– Тор здесь. Командир, разреши помочь нашему на земле?

– Действуй.

– Лепаж, за мной.

Бабакулов – мой ведущий, я обязан послушно повторять все его маневры. Безо всяких напоминаний. Но, видать, он не вполне уверен, что я сохранил трезвую голову в бешеной круговерти боя.

Идем к земле. Благо, все домны на нашем пути уже рухнули и мы можем безопасно снизиться до пятисот метров.

На земле тем временем разыгрывается трагедия. Рутинная, повседневная трагедия войны.

Чем мы ближе, тем богаче подробностями картина. На самом деле впереди – не один пилот и не одна шестиколесная машина джипсов. На фоне спекшейся глины выделяются три бегущие фигурки в разноцветных скафандрах. Двое немцев и один наш. Их преследуют два комбайна.

Бежать пилотам очень трудно. Летный скафандр – это вам не тренировочный костюмчик. Ясно, ребята выбиваются из последних сил.

Только бы успеть, только бы...

Один из немцев отделяется от группы и резко бросается в сторону. За ним – увы, весьма проворно – отворачивает комбайн. Тут же оставшиеся русский и немец повторяют маневр – разбегаются в разные стороны.

Комбайны относительно невелики. По меркам наших систем наведения, на фоне земли они являются целями неконтрастными. Мы уже совсем близко, а автоматического захвата все нет.

– Давай на ручном! – приказывает Бабакулов. Сразу же вслед за этим пушки в специальных обтекателях доворачивают на комбайн и дают залп.

Вроде попал!

Одно из колес комбайна вспыхнуло, но машина продолжает упрямо настигать пилота...

Мне не хватает решимости навести пушки вручную. Но тут наконец происходит долгожданный захват и я жму на гашетку.

«Мой» комбайн сразу же останавливается. Через две секунды завершается перезакачка лазеров и следующий залп добивает вражескую машину.

Увы, Бабакулову и его подопечному на земле везет меньше. Пылающий комбайн упрямо продолжает движение и бегущий пилот исчезает между передними шарами-колесами...

Мгновение спустя мы уже проносимся над местом трагедии.

– Ну хоть кого-то спасли, – бормочу я.

– Помолчи, тошно.

– Тор, Лепаж, не увлекаться! – приказывает Готовцев. – Возвращайтесь в строй!

– Командир, еще один заходик, а? – умоляет Бабакулов.

Я понимаю его: надо бы изучить участок еще раз, визуальное, не полагаясь на радары. Может, еще какая-то дрянь надумала давить безлошадных рыцарей поднебесья?

– Категорически нет. Приказываю вернуться в строй.

– Есть вернуться, – и мы взмываем вверх, где кружит стая наших родных «Горынычей». Но где же все-таки четверка джипсов, устроившая избиение «Хагенам»?

– Говорит Котенок. Прорезался общефлотский канал!

– Центурион: у меня тоже.

– Хорошо. Вижу. – Это Готовцев. – Приказ на атаку джипсов всеми получен?

Мы наперебой заверяем, что да, получен. И действительно – появилось целеуказание по трем гребешкам, которые подозрительно медленно идут по ту сторону меркнувшей, но все еще достаточно яркой стены Сияния. Ионизация экранирует их от наших радаров, но «Асмодеям» из стратосферы все великолепно видно по обе стороны воздушной стены.

Еще одна приятная новость. Значит, флутгеры управления, связь с которыми была потеряна перед рубежом атаки, все-таки не стали добычей джипсов.

– Центурион, что с твоим радаром?

– Совсем ослеп.

– Выходи из боя.

– Но я же все вижу через общешлотский!

– Сейчас видишь. А если его снова закроет?

– Кот, я не подведу!

– Знаю. Но прошу выполнять приказ. – Тон Готовцева показался мне неожиданно мягким. – Немедленно возвращайся на «Три Святителя», четвертым маршрутом. Вместе с ведомым, разумеется.

– А меня-то за что отсылаете? Мой «Котенок» здоров и весел! – возмутился Колька. Это он был ведомым Фраймана.

– Тактический Устав вспоминайте, кадет. Вы же вроде отличник... Остальные – делай как я!

Флутгер Готовцева резко увеличил скорость. Мы – за ним.

Первая и третья истребительные эскадрильи с «Трех Святителей» от нас не отставали. Выходило, все истребители 19-го авиакрыла получили приказ от штабных операторов на уничтожение последней тройки гребешков.

Истребители с других авианосцев остались над поверженными домнами для прикрытия повторного захода ударных флутгеров – ветвистые исчадия враждебной технологии требовалось уничтожить все до единого. Больше такой уникальной возможности противник мог не предоставить.

Штурмовики истратили весь боезапас еще в первом заходе. Поэтому они уже вышли из боя и сейчас возвращались домой тем же самым четвертым маршрутом, которым Готовцев отослал Фраймана с Колькой.

Повторный заход на уцелевшие домны выполняли только торпедоносцы «Фульминатор». В этом вылете на них вместо гигантских космических торпед были подвешены бронебойные бомбы. Благодаря огромной грузоподъемности торпедоносцы притащили бомб вдвое больше, чем штурмовики. У них еще оставалось чем угостить джипсов напоследок.

Колонны «Фульминаторов» вновь показались над зоной штурмовки, когда мы поставили «Горынычей» на дыбы и помчались вверх вдоль многоцветной стены Сияния, чтобы, набрав высоту, атаковать уцелевшие истребители джипсов с пологого пикирования.

Враг, как и было задумано, нас не замечал.

Три гребешка, словно в полудреме, на малой скорости шли строем правого пеленга на восток.

Почему они не пересекли Сияние, чтобы попытаться спасти свои последние домны? Отведали прелестей нашего подавляющего численного превосходства и теперь сторонились открытого боя? Подобная осмотрительность – не в духе джипсов, насколько я понимаю...

Забравшись повыше, ложимся на левое крыло и, приглушив реакторы, скользим вниз.

Красивейший маневр!

Пробиваем Сияние. По-прежнему держа двигатели «холодными», доворачиваем на врага. Пикируем, дружно выпускаем предпоследние «Оводы», включаем реакторы на полную и, успев дать по одному залпу из пушек, попарно бросаемся в стороны.

Мы проносимся совсем близко от агонизирующих истребителей непрошенных пришельцев...

Один гребешок превращается в вихрь мельчайших обломков. Другой срывается в беспорядочный штопор и падает вниз.

Я могу рассмотреть его почти в упор. Действительно, гребешок – лучше и не скажешь. Выгнутый дугой узкий корпус длиной метров пятнадцать увенчан частоколом разновысоких зубьев. Те, что ближе к краям – повыше, посередине – пониже.

Еще можно сказать, что истребитель джипсов смахивает на челюсть мурены – с ее длинными игольчатыми зубами. И все-таки пропорциями он ближе к старинному гребню для волос, так что название, полученное этой машиной в первый же день конфликта, – самое удачное.

Для летательного аппарата у гребешка форма совершенно дикая. Как такое может летать – загадка. Ну ладно еще в космосе – там нет сопротивления воздуха. А в атмосфере? Страшно и подумать, какие технологии стоят за этим корявым с виду орудием войны!

Кто-то для верности выпускает в падающий гребешок еще одну ракету. Взрывом из него выворачивает половину зубьев. И точь-в-точь как из разрушенной домны, хлещет, дымится, тянется в воздухе туманным шлейфом кровавая жидкость.

Вслед за Бабакуловым вывожу истребитель из пикирования, летим вдоль Сияния. И видим странное: третий гребешок, которому тоже досталось – у него выломаны два средних зуба, – ведет себя отнюдь не в обычной бесшабашной манере джипсов.

Вероятно, получив повреждения во время нашей внезапной атаки, он прижался к самой земле и попытался спастись бегством.

Но затем нечто – чувство долга, что ли? – заставило его вернуться к Сиянию. По логике, ему следовало бы сейчас пройти сквозь завесу и попытаться атаковать наши торпедоносцы, добивающие последние домны.

Но вот этого-то он сделать не мог, хотя и пытался. Дважды гребешок подходил к Сиянию вплотную и дважды отскакивал прочь, как ошпаренный. А ведь, как мне казалось, этот гребешок был последним из той четверки, которая атаковала нас на подходе к Сиянию. Затем эти же истребители прошли завесу и набросились на «Хагены».

Так или не так? Эти же или другие?

А что, если Сияние попросту непроходимо для джипсов? Кто знает, какую смертельную угрозу организмам звездных кочевников представляет этот безобидный для нас маскировочный эффект?

Видимо, Бабакулов тоже заинтересован маневрами джипса, потому что добывать его не спешит. В самом деле, каждая крупница дополнительной информации о враге для общего дела важнее, чем лишняя строка в списке побед какого-то лейтенанта.

Пронаблюдать за гребешком дольше нам не дает сосед из третьей эскадрильи. Флутгер с трезубом на вертикальном оперении – машина капитан-лейтенанта Бердника, комэска-3 – вырывается вперед мимо нашей пары. Почти незаметный взгляду доворот пушечных обтекателей, синхронная вспышка двух лазеров – и гребешок, окончательно потеряв управление, валится к земле.

По общешлотскому каналу передают: множественная неопознанная угроза в районе домен. Надо прикрыть торпедоносцы от неведомой напасти.

И снова комэски ведут нас за собой.

Это уже слишком. Мы в бою от силы пятнадцать минут, но каждая секунда была проведена в таком напряжении, что у меня против моей воли начинают дрожать предплечья. Почему предплечья? А вот черт его знает!

Никогда в жизни не было у меня мышечного тика. А тут я поглядел на очередной тактический пакет от «Асмодея» – и тик вдруг начался. И усталость навалилась.

Смотрю на текстовый скролл. Нет, глаза меня не обманули. Вот он, результат анализа.

НАЗЕМНЫХ ЦЕЛЕЙ: 36
>>> КОМБАЙНЫ (КЛСФ. НАОТАР-НЦ-4): 2
>>> ДОМНЫ (КЛСФ. НАОТАР-НЦ-1): 1
>>> НЕОПОЗНАННЫХ: 33
ВОЗДУШНЫХ ЦЕЛЕЙ: 219
>>> НЕОПОЗНАННЫХ: 219

Двести девятнадцать неопознанных воздушных целей!

На войне «неопознанный» почти всегда означает «вражеский».

На этой войне неопознанная воздушная цель почти всегда оказывалась истребителем-гребешком.

Таких истребителей мы за все время сегодняшней операции – неглупо спланированной и самой успешной за все время Наотарского конфликта – сбили никак не больше семнадцати. А может, и того меньше.

Сейчас, если верить железу, над полем боя истребителей противника в *двенадцать* раз больше. Выходит, мы вмиг утратили свое спасительное численное преимущество? Не говоря уже о качественном, которого никогда и не было?

Это никакая не виктория. Это полный разгром, товарищи. Катастрофа, какой не знали еще москитные силы Флота со дня своего рождения.

В тот самый миг, когда меня пробил нервный дрожью, до крайней северной домны, над которой творилось это безобразие, было еще довольно далеко. Зона штурмовки – не пятачок, с юга на север километров семьдесят будет.

Поэтому в оптике, конечно же, ни я, ни кто другой из нашей эскадрильи ничего пока не видели. Данные поступали только от «Асмодеев».

Может, врет железо?

И правда, врет: вот число наземных целей уменьшилось на пять штук, а воздушных – увеличилось на столько же. Потом наоборот: семь воздушных превратились в наземные.

Нормально? Так бывает? Чтобы вдруг пять гребешков одновременно гробанулись? А семь комбайнов в воздух взлетели, колесами помахиная?

– Командир, у меня сбой в общефлотском канале, – говорит Цапко. – Липовые цифры дает.

– И у меня, – поддакивает Бабакулов. – Трехзначное число целей, все неопознанные. И скачут, как блохи.

– Нет, раз и у вас такая чертовщина, значит, никакого сбоя, – встряет Фрол.

– Братцы, это правда, – глухо говорит Готовцев. – Железо работает отлично. По командной сети я только что получил аж три устных сообщения. Слушайте. Первое, прямо с борта «Варяга»: все истребители джипсов вышли из космического сражения и брошены против нас. Пять – семь минут – и они будут в зоне штурмовки.

– Раньше сказать не могли! – психует Цапко.

– Это не нашего ума дело! Молчите и слушайте дальше. Второе сообщение – от наших торпедоносцев. Прежде чем добились последнюю домну, она раскрылась и выпустила за две сотни неопознанных целей. Мы их сейчас сами увидим. Это и гребешки и не вполне гребешки одновременно. Такие себе недогребешки, едреный корень. Третье: командование флота категорически запрещает открывать огонь. И категорически запрещает отход. Мы должны организовать плотный барраж над останками последней домны, где вьются, ммм... недогребешки. И не предпринимать никаких действий, пока не поступит личного приказа главкома Экспедиционного Флота, адмирала Пантелеева. Все. Я не спрашиваю, есть у вас вопросы или нет, потому что вопросы у вас есть, а ответов у меня нет!!!

– Тише, тише, отец-командир, – вздыхает рассудительный Егор. – Вопросов нет. Не врет железо, не врут адмиралы, и сон мой не врет. Видел я двенадцать белых котиков. Всякий, кто на Большом Муроме родился, знает: смерть пришла. Теперь уж не отступится, пока меня не приберет. Да и все к тому. Так что, братцы, не поминайте лихом Егора Кожемякина. Всем вам земной поклон. А молодому Сашке, если выберется, желаю в люди выйти.

– Спасибо. – Я был тронут, что он помнит мое имя. – Но зачем же вы так, товарищ старший лейтенант? Я где-то читал, что двенадцать котиков – это вовсе не...

Ой, как все на меня набросились! Как зашикали!

– Отставить, кадет!

– Замажься.

– Ты что, сбрендил, парень? С Егором в воздухе пререкаться?

– Не спорь. Просто скажи Егору спасибо, – подсказал добросердный киргиз Бабакулов.

Я не знал, плакать мне или смеяться. Почел за лучшее последовать совету и уже открыл рот, но тут неожиданно вступил Фрол. Он внес свежую струю в общее веселье:

– Егор, на смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь. Иногда и цыплята – это всего лишь цыплята.

– Браво, Фрол! А сигара – всего лишь сигара, – повеселел Бабакулов.

Мне показалось, что слова Бабакулова – смутно знакомая мне и широко известная среди эрудитов цитата. Но, конечно, ее автора я припомнить не смог.

– Так ить двенадцать. Беленьких, – буркнул Егор.

Похоже, суровый уроженец Большого Мурома всерьез настроился помирать и так быстро расставаться со своими возвышенными настроениями не собирался.

Дискуссия развития не получила. Наши обзорные камеры захватили неопознанные цели, навели резкость и перешли на плавное сопровождение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.